

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

№ 44 октябрь — 1933 — 1-ci teşrin № 44

СОДЕРЖАНИЕ — İÇİNDEKİLER

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

KALEM HAKKI VERILMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ

„ГОРЦЫ КАВКАЗА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,50 долл.	1 долл
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	1,5 долл.

Цена отдельного номера 5 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne.

„KAFKASYA DAĞLILARI"

MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,5 dol.	1 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	1,5 dol.

Tek nushası 5 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne.

Горцы Кавказа ≡ Kafkasya Dağlıları

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

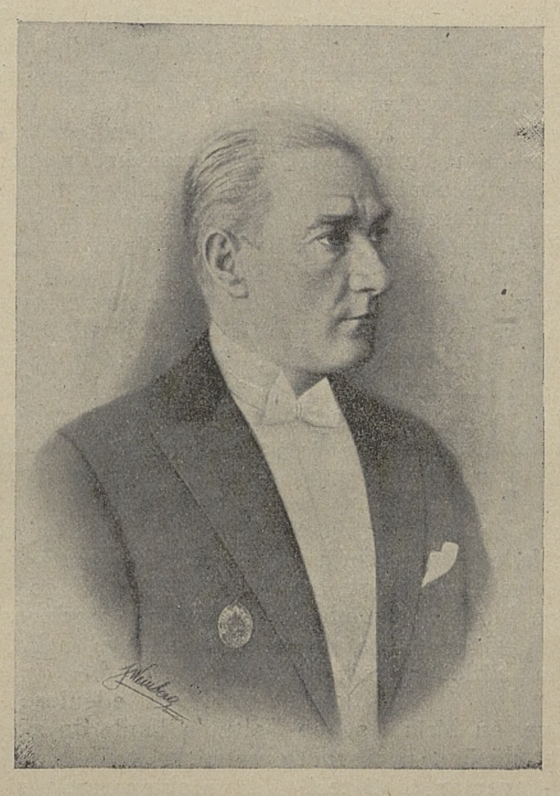
ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 44 ОКТЯБРЬ — 1933 — 1-ci TEŞRİN № 44

29 BİRİNCİ TEŞRİN 1923

Her milletin hayatında yeni bir devre başlanğıç olan tarihî günler vardır. Kardeş türk milletinin hayatında da bu tarihî gün hiç şüphesiz 29 Birinci Teşrin 1923 — Türkiye Cumhuriyetinin resmen îlân edildiği gündür.

Asırlar gören Osmanlı emperatorluğunun tarihine bu günde nihayet verilmiş ve zamanını yaşamış olan eski emperatorluk idealleri bu günde tarihe karışarak yerini yeni bir Türkiye'ye, Anadolunun geniş toprakları üzerinde yapılan kurtuluş savaşı neticesinde doğan millî bir Cumhuriyet Türkiyesine bırakmıştır.

Türkiye Reisicumhuru Gazi Mustafa Kemal Hazretleri. Президент Турецкой Республики Гази Мустафа Кемаль

Evet, 29 Birinci Teşrin 1923 — Büyük Reisin dâhi rehberliğile menhus Sevr zincirlerini kırmak yolunda yapılan millî ve kahramanca savaşın çok şanlı ve ölmez bir eseridir.

Kan ve ateş içerisinde yeniden doğan Türkiye, şimdi, bu şanlı eserin 10 yıllığını—dâhi rehberin idaresi altında elde etmiş olduğu kazançların on yıllığını tes'it ediyor.

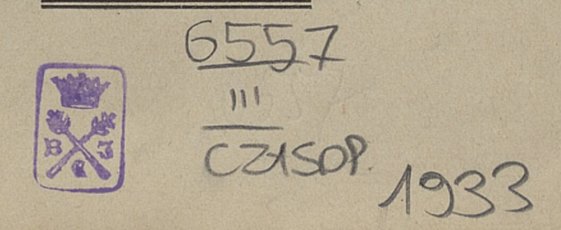
Kardeş Türk milletinin bu şanlı bayramını biz de candan tebrik ediyor ve onlarla beraber bağırıyoruz:

Yaşasın Türkiye Cumhuriyeti!

Yaşasın Büyük Reis Gazi Mustafa Kemal Hazretleri!

Evet, bunu söylerken, kuvvetle ümit ediyoruz ki biz de bu yakın bir zamanda sesimizi yükseltecek ve bağıracağız:

Yaşasın Müstakil konfederatif Kafkasya ve dost Türkiye!

Şimalî Kafkasyalıların esareti

(Geçen nushadan mâbat)

1— Teşkilatsızlık ve vasıtasızlık içinde yarım asır düşmanla münferit bâzûlarile yalnızca çarpışan ehalinin bir kısmı, istilâden sonra dağlara iltica etmeleri hasebile düşmanın bunları vesile ittihaz ederek ve fakat hakikatte ehaliyi imha ve vatanlerine rus kütlelerini yerleştirmek maksadile köyleri ihrak ve hanımanları söndürmeğe devam etmesi—ki bu ihrak ve imha harp başlıyalı devem etmekte idi—ve binaenaleyh ehali arasında umumî bir yeis hükmûferma bulunması.

2— O zaman sistem ittihaz edilen dinî zihniyetin icabatına göre küffarın hâkim bulunduğu yerde makhur kalan islâmların yaşaması caiz bulunmaması ve Hazreti Muhammad'in Mekkeden Medineye hicretini temsilen ve peygamberin vekili bulunan halifenin ülkesine iltica ederek göya hür yaşamak vücubu... Bu hicretin rusların gayrî insanî tazyıkinden ileri gelmekle maksadine vüsul için Osmanlı ülkesine hicretini de kabul edeceği gayet tabiî idi. Osmanlı pâdışahına gelince o da muhtelif düşünceler sebebile hicreti redetmemiştir. Sebepler şunlardır: kendi zâmince dünya ve âhirete hâkim olan hilafet sarayının bakiyetüssüyuf (kılıç artığı) bazı zavallı islâm kütlelerinin memaliki şahaneye iltica etmeleri, mucibi şefkat ve hilafet mekamının îlâsi demek olacağı, ayni zamanda nufusca baş alan memaliki mezkûrenın boş olan yerlerinin bu ehali ile doldurulması, daha sonra artık Avrupa akınlarından istifade ederek saraya lâzımgelen nisa ve cariyeleri elde etmek imkânı kalmadığına göre bunları bu muhacir ve fakat dünyanın en güzel nisaye malik bulunan bu perişan kütleden tedarik etmek.

3— Bittap başlıca ve en birinci sebep te hakikî vatan ve millet düşüncesi mevcut olmamasıdır. Bu gibi sevepler tahti tesirinde istilâden sonra Şimalî Kafkasyallıarın hemen nufusunun yarısına yakın mıktarda hicret ederek Osmanlı topraklarına iltica etmesile harekât bitmiş ve vatanlarını kaptırmak ve kendilerini vatansız bırakmak noktayi nazarından en büyük bir felâket teşkil eden bu hicret ile şeamet ve felâket katmerleşti.

Hicret eden ehali Osmanlı diyarında bir noktada yerleştirilmemiş Rumelide Anadolunun garbinde, vasatinde ve Şarkında, Suriye ve Filistinde müteferrik ve perakende bir halde iskân edilmişti. Müteferrik iskân siyasetını ihtiyar eden Osmanli saray idare sidir. Kendileri de cehaletleri yüzünden bu noktayi mülâhazaya bile lüzum görmemişlerdir. Esareti müteakip Şimalî Kafkasyalılara âriz olan bu içtimaî iftirak hali, vaz'ıyetlerine ve hayatlerine pek büyük bir tesir yapmıştır. Bir kerre hicret eden kimseler, hayat unsur ve vasıtalerinin en esaslısı bulunan eraziden (vatandan) mahrum kalmışlardır. Gerçi o zaman hâkim bir zıhniyet bulunan dindaşlık tesirile arap ve bilhassa türk milletinin bu muhacirlere karşı gösterdikleri şefkat, hüsnü kabul ve muaveneti cidden çok büyüklük ve sitayişle her zaman yadedilmesi lâzimgelen bir minnettarlık teşkil eder. Fakat zavallı muhacirler iskân edilen yerlerin suyuna ve havasına alışıncaya kadar nufusunun yarısını kaypetmiş, yokluktan, perişanlıktan mahvolmuş ve neslinde de eski çeliklik ve zindeği kalmamıştır. Çünkü insanı yaşatan muhittir. Asıl şayani kayt cihet, esaret ve hicret sebebile içtimaî vasif ve hıslatlarının tarzi tecellisidir Umumiyetle tahkik edilecek olursa görülürki: kendi toprağında kalan fertler tabiî vasıflerini ve hıslatlerini kaypetmemişler, ancak içtimai bir tekâmül vücude gelmesi lâzim gelirken böyle bir tekâmül vücude gelmemiş, bilakis düşmanın istiklâl fikrini söndürerek kendi yaşayış ve zihniyetine benzetme ve maşerî uydurma siyasetini, kendi hükmü altında büyüyen, bir az terbiye gören, okuyan bir çok kimseler de gayrî mahsus düşman terbiyesi tahti tesirinde kendi millî vasıf ve hıslatlerinin bir çoğunu bile kaypetmişlerdir.

Hicret edenlere gelince, muhitin tesiri altında bunlarda zindeğilerini nisbeten kaypetmişler ve aile terbiyesini keçüpte bir az da mektep terbiyesi gören kimselerde düşünüş kudreti değişmiştir. Çunkü terbiyede en büyük hâkim; umûmî (memleket gibi) ve hususî (mektep ve aile gibi) muhitlerdir. Buğun nümune olarak muhtelif muhitlerde yaşayan Şimalî Kafkasyalı neslinden bilhassa hususî muhitlerin tesiri altında kalmış bir kaç fert bir araya getirilecek olursa içtimaî vasıf ve hıslatleri arasında ruhen bir muğayeret olduğu görülür.

İşte bu suretle esaret ve hicret, Şimalî Kafkasyalıların içtimaî haletleri üzerine âmil

olmuş içtimaî meziyet ve vasıflerini darbeliyerek millî yeknesekligini dağıtmak derecesine getirmiştir.

3— Esaretten kurtulmak için Şimalî Kafkasyalıların takip edecekleri hatti hareket ne olmalıdır?

Bu günden itibaren mukaddes memleketin esaretten kurtulup istiklâl ve hürriyeline nail oluncaya kadar bütün Şim. Kafkasyalıların ne suretle ve nerede olursa olsun takip edecekleri hatti hereketin neden ibaret olacağını her kesin bilmesi lâzımdırki müteferrik bir halde bulunan ırk ve vatandaşlarının veçhe ve istikameti bir gâyeye, bir noktaya tevcih ve mesaisi de sıstematik bir halde tevhit edilmiş bulunsun. İlk fırsatta tam bir istiklâl kazanıldığı anda ve ondan sonra tayin edilecek veçhe o zaman milletce intihap edilecek şekle bağlıdır.

Şimalî Kafkasyanın istiklâlını temin ve ıstihsal eylemesi fikri, daha ziyade rus çarlığının ınkırazından sonra belirmiştir. Halbuki bu fikir, bu cereyan daha evvel vücuda gelmiş ve ona göre tedbir alınmış olsaydi büyük harbin sonlarına doğru dünyaya hâkim olmayi lâyikıle kuran rus çarlığının alman ve müttefiklerinin kuvvetli sillesile mahv ve inkıraz bulduğu esnada Lehistanlılar gibi hemen istiklâlını elde ede bilirdi. Maalesef yukarıda zikredilen muhtefif sebepler yüzünden Şimalî Kafkasyalilar muhtelif yardımcıları da bulunduğu halde bu muazzam fırsatı kaçırmışlardır.

Günün birinde Şimalî Kafkasya'nın istiklâliyetini temin için daha güzel bir fırsat düşeceğine şüphe etmemelidir. Çünkü bundan sonraki harpler artık iki taraflılıktan çıkmış ve beynelmilel olmak istidadını göstermistir. Hakikatte gene rusluğun hududunu tevsi ve dünyanın bütün içtimaî nizamını ve kuvvetleri tahrip maksadile ve fakat zahirde çok cazip prensiplerle ortaya çıkan bolşevizm, buna mukabil faşizm sonra müthiş bir surette yekdiğerini murakaba eden Amerıka ve Japonya; daha sonra bütün bu müthiş birlıklerî el altında oynatmayi düşünen İngiltere gibi galibiyeti daimeyi güden kevvetlerin günün birinde bir patlakla birbirlerine düşecekleri ve neticede dünya idaresinin, hayat şeklinin devlet hudutlarının bam başka bir şekil alacağı gayet tabiidir. Bu itibarla Şimali Kafkasyanın kurtuluş fırsatı elde edecegine de şüphe ola maz. Ancak bu kurtuluşun vücude gele bilmesini bir şart ile kabul etmek lâzımdır. O da şudur: böyle bir fırsat düşünceye kadar Şimalî Kafkasyalıların kurtuluş; devlet ve idare tesisi vasıtalarını ihzar edebilmeleri ve hatta bundan başka fırsatı da düşüre bilmeleri.

Bugün Şimalî Kafkasyanın esaretten kurtulmasına ve bir Şimalî Kafkasya federal hükümetinin tesisine imkân göremiyen bâzı muhterem ırktaşlarımıza tesadüf edilmiyor değildir. Bunların gerek istikbal ve gerek hal ve vazıyetlerinin muhtelif tesirleri altında bir yabancının muhakemesine benzer bir muhakeme, ve buna müstenit bir fikirden ibaret olduğunu takdir ederek bu gibi zevat mazur gürülmeli ve fakat hâlis bir Şimalî Kafkasyalının fikri diye kabul etmemelidir. Zaten yarın istiklâl temin edildiği zamanda bile gerek yukarıda zikredilen muhtelif sebeplerden veya temessül ettiğinden dolayi bir çok kimselerin öz vatanım diye Kafkasya topraklarına dünmek istemiyecekleri bugünden malûmdir. Bir milletin bu gibi münferit bâzi fikir ve hareketleri millî cereyana karşı hiç bir zaman tesir gösteremez; bunun kıymeti yoktur. Muhakkak olan şudurki: Günün birinde Şimalî Kafkasya esaretten kurtulacak, hürriyetine kavuşacak, kendine mahsus bir teşekkül vucude getirecek, intikamını mutlaka alacaktır.

Bugünden itibaren kurtuluş yolunu tutmak istiyen Şimalî Kafkasyalıların gayelerine vaktinde ve tam olarak vara bilmeleri için tevessül edecekleri vesileler sırasile şunlardır: 1 — evvelâ içtimaî illetlerine deva bulmak 2 — sonra maddî vasıtaları ihzar etmek 3 — daha sonra idarî sistemi intihap veya iycat etmek.

Bunlardan idarî sistemi kurtuluş zamanında düşünülecek bir mes'eledir. O zaman her kes serbestce düşünür, millet hangisini isterse o şekli idareyi kabul eder. Bu cihet ancak o zaman mevzuu bahs edilmelidir. Şimdiden şeklî idarenin kurcalanması, mevsimsiz ihtilâflara sebebiyet vererek daha evvel yapılacak işlere sekte vereceği muhakkak olacağından bundan içtinaben bu ciheti zamanı gelinceye kadar mevzuu bahs etmemeği prensip ittihaz etmelidir.

Maddî vasıtaları ihzar etmek ve fırsat hülûluna yakın bir zamanda ola bileceğinden bu cihet te şimdilik, şayanı tezekkür değildir.

Asıl bugünden itibaren yapılması lâzim gelen cihet, içtimaî illetlerinin izalesi ve vaz'iyetin islâhıdır. Bu da en ziyade ehemmiyeti haiz ve daha çabuk yapılması lâzimgelen hususları diğerlerine tercihen ve sırasile ve bervechi âti kaydediyoruz:

1—Lisan; bir kerre Şimalî Kafkasya'nın kurtulması ve bundan sonra da müstakil olarak yaşıya bilmesi için muhtelif lisanla mütekellim bulunan Kabarda, İnğuş, Çeçen, Asetin, Dağıstan, Abhaziya gibi kavımların birlikte hem her zaman ve daima birlikte hareket etmeleri lâzımdır. Zaten Şimalî Kafkasya mânasında bunlar küll halinde ve temamen mündemiçtir. Bunlardan bir tanesinin müstakil hareketinden hiç bir netice çıkmıyacağı ve çıkmanın da maddeten mümkün olmıyacağı her kesce malûm olmalıdır.

Binaenaleyh Şimalî Kafkasya lisanının irfan yolunda vasıta ola bilecek bir şekilde islâh ve resmiyet verilmesi lâzımdır. Bugün Şimalî Kafkasyalılar için ilk defa ve müstacelen yapılacak en mühim mes'ele bu lisan islâhıdır. Eğer takdir ediliyorsa Şimalî Kafkasyalılar için bundan daha mühim ve daha muazzam bir iş yoktur.

Bu mühim işi başarmak için mes'eleyi iki naktudan yürütmek lâzımdır:

1—Evvela Şimalî Kafkasya'da lisaniyat noktayi nazarından ne kadar müstakil lisan varsa bunları tesbit etmek. Bundan sonra bu lisanların istinat ettikleri harfleri toplayup sada, mahreç ve şekil itibarile tevhiden bir yazı vücude gıtirerek bunu derhal tamim etmek. Bu işi yaparken harf şekli olarak latin hurufatının eşkâlini kabul etmek ve dünya'nın hiç bir milletinde olmıyup ta ancak Şimalî Kafkasya lisanlarında bulunan harfler için de ayni esasata istinaden ve ona müşabih bir şekil iycat etmek suretile yazıyi vücude getirmek daha müsip olacağı zanolunur.

Yazı şeklinin tesbitinden sonra bâzi lisanların tevhidi sırası gelir. Meselâ Abhaziya, bunlardan ayrılan Askero ve Altıkerek (Adığeyler, Altıkesekler; Siheg; Abhazlar da Asve derler) haddi zatında bir lisandır. Yazı mefkudiyetinden dolayi şube halini almış her kes te müstakil birer lisan bilir. Keza Adığey lisanı da Kabarda Bezedug, Abza kısımlarına ayrılır, halbuki hep bir esasa müstenit farkları Abaza lisanlarında olduğu gibi tarzi talaffüzden ibarettir. Diğer lisanlarda aşağı yukarı böyledir.

Yazının iycadı ve derhal tamimile fertler arasında kuvvetli bir rabıta vücude gelmekle beraber asıl mühim olan ikinci nokta gelir:

2—Şimalî Kafkasya camıasını teşkil eden bu lisanların fevkinde müşterek mal olarak resmî bir lisanın mevcudiyeti. Bu çok münakaşa götürür bir mes'eledir. Fakat düşünülecek olursa üç şıktan birini kabul etmek lâzımdır:

1—Rus veya türk lisani gibi resmiyet halin almış bir lisanı kabul etmek.

2—Bizzat Şimalî Kafkasya lisanlarından birini resmî lisan olarak kabul edüp tamim etmek

3—Esperanto'dan ilham alarak yeni bir lisan vücude getirerek bunun resmiyetini kabul etmek.

Birinci şıkkın yeri olmaması lâzımdır. Ancak muvakkat bir zaman için gayrî resmî olarak her kes bildiği lisan ile ilmî teveyggülde bulunur, yazar ve ifadeyi meram eyler, o kadar...

İkinci şıkka gelince lisanlardan hiç bir tanesi de taazzuv etmemiş ve bilhassa bir az da ekseriyete yakın bir mevcudiyet mefkut bulunmuş olacağına göre bu da şuphelidir.

Üçüncü şık mümkündür, fakat çok güç tür. Bunda ayrıca bir muhassinat daha vardır ki eğer yeknasak az kelime ile çok mâna ifade eder, otomatik bir halde öğrenmekte kullanmakta çok kolaylık ola bilecek bir şekilde icat edilecek olursa her kes bunu kullanır ve kendi dilini terk ederek bir kaç asır sonra Şimalî Kafkasya'da bir lisan kaim olur. Millet de lisan belâsından kurtulur. Hatta taammüm ederek beynelmilelleşirde...

İşte bugün çalışan Şimalî Kafkasyalıların ilk ve çok müstacel olarak yapmaları lâzımgelen iş yazı icadı, lisan islâhı ve bu vasıta ile Şimalî Kafkasya camıasının gayeyi aslisini fertlerine anlatmak ve anlata bilmektir.

2—Faaliyette birlik ve tecanüsü temin etmek;

Fertlerin birleştirilmesile bir camıa vücude getirmek çok güçtür. Çünkü birleşecek fertlerde bir kerre rabıta unsurları mevcut olmalıdırki bu rabıta unsurlarının tesiri altında fertlerin birleşmesi ve binaenaleyh bir cemiyet teşkil etmesi imkânı hasil olsun. Bu itibarle beşeriyetin gerek mazisinde ve gerek halinde görülen haleti ruhiye, rabıta unsurlarının kudreti nisbetinde ancak fertler içtima ede bilmiş ve bir cemiyet vücude getire bilmiştir. Bittap bu suretle cemiyet teşkiline kadir olan her millet, menfaatını koruya bilmiş ve hayatını başkalarının yedi esaretinden kurtara bilmiş bütün hayatî faaliyetini muayyen hudutlar dahilinde serbest kıla bilmiştir.

Tarih bize gösteriyorki bir millete mensup bütün fertlerin birleşmesi pekte şuurlu

olmamaktadır. Daha ziyade o milletin içinden yetişen ve kendi menfaatından ziyade mensup bulunduğu milletin umumî menfaatını korumak istiyen bir ve ya bir kaç kişinin şuurlu ve muayyen gaye (ki temini istiklâldır) ile yürümesinden fertlerin birleşme fîli hüsûl bulur. Bu takdirde birleşen fertlerde şuur ile hareketten ziyade şuur ve gaye ile yürüyen kimselerin yarattıkları fikrî cereyana tâbi bulunur. Fertler bu cereyana kapılarak ayni vadiden sürüklenerek inkilâbî bir birleşme fîli neticesinde bir cemiyet teşekkülü vücude gelir. Bu teşekkül millî bir şeklî idare tesis ederse millî bir hükûmet olur. Alman milletinin tarihi tarzi teşekkülü buna gayet güzel bir misal ola bilir. Tarihte yaşamış ve halâda yaşamakta olan bâzı hükûmetlerin tarzi teşekkülü buna uyğun olmaz.

Esasen bu gibi teşekküllerin ilmî bir kıymeti yoktur. Çünkü teşekkülün kuvvetli rabıtalara istinat etmediği ve fertlerin birleştirici rabıtalarından mücerret bulunduğu halde ekseriyetle silah kuvvetile bir camıa süsü veremediği cihetle bu gibi teşekküller silah kuvvetinin gevşemesile kendiliğinden inhilâl eder. Umumî harbin nihayetinde Austrya ve Osmanlı emperatorluğunun inkırazları buna birer misal ola bilir. Halbuki ayni safta mağlup olan Bulğar ve Almanya'da ise mağlubiyetten başka memleket ve fertlerin parça halinde inhilâli görülmemiştir.

Beşeriyetin geçirdiği bu tarihlerden pek âlâ ibret alınır ve denile bilirki bizatih rabıta kuvvetini haiz olmıyan sebepler haricinde birleşmede bir fayda yaktur, muallakiyettedir, günün birinde mutlaka düşecek parçalanacaktır.

Fertleri bağlıyan esbap ve evamil yukarıda muhtasaren izah edilmişti. (Din, âdat, lisan, ırk birliği, vatan birliği) Bunlardan maada müstakil bir birleştirme unsuru olmamakla beraber bu gibi içtimai hareketlerde büyük rol oynıyan bir nim unsur daha vardır ki o da terbiye ve talim birliğidir.

Terbiye, içtimaî nazariyat noktayi nazarından iki kısımda mutalaa edile bilir. 1-aile terbiyesi 2-mektep ve tatabbü terbiyesi. Fertler üzerinde aile terbiyesinin çok tesiri vardır. O derecede ki cihanda her hangi bir ferdin (darülaceze gibi aile haricinde büyüyen fertler müstesnadır. Bunlar da gene o hususî muhite mahsus nev'ama bir terbiye almışlardır) bütün hayatında yaptığı hareketler hep bir enmuzeç altında ve ahlâkî hudutlar üzerinde veya taşğın bir halde vuku bulur.

Cemiyetin tesis ettiği iyi ve faydalı an'ane ve âdetlerin tesiri altında bir muhit vücude getiren bir ailenin yetiştirdiği fert de ayni suretle hareket hudutlarını bilir, mensup bulunduğu fertlere ve cemiyetine karşı hürmetkâr ve ayni zamanda fedakâr olmasında tereddüt etmez. Bu kabil hudutları tayin edemiyen bir aile nezdinde büyüyen veya terbiyesinde temamiyet ifade etmiyen fertte mensup bulunduğu fertlere ve cemiyetine karşı terbiyesi nisbetinde menfi hareketlerde bulunur.

Bundan sonra fertler için mektep ve tatabbü terbiyesi gelirki bu, ondan daha tesirlidir. Çünkü aile terbiyesi, ferdin şuuru haricinde; mektep ve tatabbü terbiyesi ise ferdin şuuru dahilinde bir tesir yapar. Bundan başka bu iki terbiye arasında yalnız terbiye gören fert değil, mensup bulunduğu bütün cemiyet fertlerini alâkadar etmesi noktayi nazarından mühin bir fark daha vardırki, o da mektep ve tatabbü terbiyesi gören ferdin bir gaye takip ederek fikrî bir cereyan yaratmasi ve bu vadiden milleti sürüklemesidir. O şekildeki gördüğü mektep terbiyesinin muhassalasından vücut bulmuş olan idrak ve ilmindeki isabet ve ademi isabet sebebile milletini ya saadete ve yahutta bir felâkete sürükliye bilir. Bunun sebebi gayet vâzihtir. Cihan milletlerinin görüşleri, ilmî terakki ve tekâmülleri, tabiî istidatları, telâkkileri arasında lisanları derecesinde mugayeret ve muhalefet vardır. Belki her millet kendini her hususta diğer milletlerin üstünde görür ve görmesi de beşerin hissi vasifleri iktizasındandır. Fakat hanği milletin birleşme ve içtimaî vasıflarının daha üstün olduğu millct halinde çarpışmada belli olur.

Şurası muhakkaktır ki ilim her yerde ve her kes için bir olmakla beraber tatbikatta her millet için fayda noktayi nazarından ayrı ayrı neticeler verir. Çünkü her milletin ahvalı içtimaiye ve ruhiyesi bir değildir.

Şu halde denile bilirki bir fert kendi cemiyetine ve milletine nâfi bir uzuv olarak yetişebilmesi için kendi milletinin kurduğu mektebinde terbiye ve talim görmüş olmakdır. Muhtelif milletlerin mekteplerinde terbiye görmüş olan fertlerin birlikte ve bilhassa millet namına hareketlerinde daima bir noktayi nazar ihtilâfu, ruhî bir nyuşamamazlık görülür. Çünkü her ferde ayni derecede millî aşk ve birleşme sebepleri tel-

kin edilememiş, hissiyatı normal olarak kurulmamıştır. Bittap sirf milletin tekâmülüne saik ola bilmesi için en mutarakki ve mütekâmil görünen milletler nezdinde ilim ahsil eden mahdut fertler bu haletlerden müstesnadır. İşte dün Şimalî Kafkasyalıları namütenahi felâketlere sürükliyen amillerin en mühimi kendi millî mektebinde millî ve müstakil bir mektep terbiyesinin olmamasıdır.

Millî mektep terbiyesinin bulunmaması şimalî Kafkasyalılar üzerinde bugün de ayni suretle âmildir. Bu gün; Rusyada rusluk telkin edilen, Türkiyede aşaği yukarı bir mektep terbiyesi gören, sonra Arabistanda şöyle böyle yetişen ve henüz ırkı karışmamış, temessül etmemiş bir çok Şimalî Kafkasyalılar bir araya getirilirse başka başka şahsiyetler mütehalif fikir ve görüş sahibi olarak arzi endam ederler. Rusya'da yetişen bâzi kimselerin Şimalî Kafkasya'nın rus emperatorluğu camıasında yaşamasının muvafık olduğunu dermeyan etmesi, keza Türkiyede yaşayan bâzi kimselerin Şimalî Kafkasyalılara bir camıa vücude getirerek bir devlet teşkil etmelerinin imkânı mevcut olmadığı kanaatında bulunmaları Arabistanda yaşıyan bir çok kimselerin de bâzı başka düşüncelere sahip bulunması hep bu sebeptendir.

Binaenaleyh, bugün Şimali Kafkasyalıların esaretten kurtulması için yapacakları hareketlerden biri de, birleşmeğe gayrî şuurî ve menfî bir tesir yapacak olan muhtelif mektep terbiyesinin mevcut olduğunu ve ya hiç mevcut olmadığını nazari dikkata alarak terbiyeli ve dûrbinane hareket etmek fertler arasında menfi haletlerin hüsûluna mâni olmak, hüsûl bulunca boğmak, bir taraftan de bunun izalesi çaresine bakmaktır.

Hatta bu talim ve terbiye mes'elesi okadar mühimdirki, bütün içtimaî unsurların islâhi ancak bununla mümkün ola bileceği gibi lisan mes'elesinin halli ve bütün fertlere millî ve vatanî telkin icrasi ve nihayet fikrî bir cereyanın yaradılmasile istiklâlın kazanılması ve bundan sonra gene müstakil olarak yaşanması da gene yüksek bir milli, ilmî terbiye ile kabildir. Bu itibarla bütün Şimalî Kafkasya akvamının bir araya gelmesi suretile bir federal birliğin teşkili ve tam istiklâliyetinin teminile ancak sefalet, zillet ve sefaletin bertaraf edile bileceğini bilen ve bilmesi lâzimgelen bütün Şimalî Kafkasyalılara terettüp eden bir vazife şudur: izah edilen bütün noksanlıkların tesirleri nazari dikkata alarak, birlikte faliyete mani olan düşünceleri, kısa gürüşleri, şahsiyeti ortadan kaldirmak, her kesin eline geleni yalnız millet ve vatani namına yapmak, her kes kendi kendini tartmamak, kırılmaz bir kaya gibi derhal bir birlik vücuda getirerek, mümkün mertebe lisan mes'elesini haletmek, irfani ileriletmek, Şimalî Kafkasyalılar için hayat ve istiklâlın temini başka memlekette değil ancak kendi ana yurdunda mümkün ola bileceğini perişen ve perakende halinde bulunan Şimalî Kafkasyalılara telkin etmek, her husustа muayen bir proğram altında istiklaliyete doğru ilerilemektir, hazırlanmaktır.

S. B.

Halil Bey Mussayasul

Millî propaganda işini yürütenler yalnız siyasîler, gazeteciler değildir. Bu işi ekseriyetle san'at adamları, mensup olduğu milletin hars mümessilleri dahi yapmakta ve kendi yaradıcılıklarında millî mes'eleden ilham almaktadırlar.

Bu kabil bir propaganda, kısmen daha hakikîdir. Zira sırf san'at eseri muayyen bir ideoloji damğası taşımakla beraber objektif mahiyetini muhafaza ediyor.

İste bu objektif cihettir ki san'at eserlerinin her taraf ve her yere („En hür bir memleket olan Sovyetler ittihadı" müstesna) yayılmasını temin ediyor ve taşıdığı ideolojik damğa dolayisile iyi bir propaganda vasitası oluyor.

Biz dağlıların da san'at vadisinde iyi bir propagandacısı vardır.

Bu propagandacı, ğenç ressam Halil Bey Mussayasul'dur. Halil Beyin yaradıcılığı derin bir millî ruh taşıyor ve fıtrî istîdat bu yaradıcılığa parlak bir istikbal vadediyor.

Halil Bey Günip'te dünyaya gelmiş ve orada büyümüştür.

Tekmil yollarında, kayalarında, taşlarında şanlı mazinin ölmez hatıralarını saklayan Günipte, Şamil'in bu kadim aulunda dünyaya gelen adamın milliyetci olmaması mümkün değildi. Gene, kendinde Tanrı kığılcımı taşıyan bir adamın bu istidadı kendi ana yurduna, kendi milletine hasretmemesi imkânsızdi. İşte Halil Bey Mus-

sayasul tam bir Günip evlâdi gibi hareket etmiştir.

Halil Beyin fırçasile canlanan resimler, hep şanli mazimizim âsina hayallerini taşıyor ve her tablosu millî ruhun canlı bir ifadesini teşkil ediyor. Her tarafta göreceğiniz şey, dağlar, papaklar, çerkes elbisesi, silah, büyük bir ciddiyet ve samimiyet timsali olan dağlı kadın tipleridir.

Halil Bey, ressamlık tahsilini Almanya'da Münhende görmüş, profesor Greber ve bar. Kaberman'in telebesi olmuştur. Ecnebî bir muhitte tahsil edişi Halil Beyin umumî yaradıcılk yolu üzerinde müessir olmamış ve millî mahiyetini kaypettirmemiştir. Yaradıcılığı ancak Avrupa teknikini ve incelmiş üslübunu almıştır. Millî Kafkasya mahiyeti, şark ruhu, ateşin şark muhayyelesi aynile kalmıştır.

Halil Bey'in yaradıcılığına Avrupa da büyük bir alâka gösteriliyor. „İllustrierte Rundschau" ve daha bir çok garbi — avrupa mecmualarında Halil Bey'in eserlerinden bir çok nümuneler neşredilmiştir. Ahiren Pariste yapılan son „Salon 1933" resim sergisi dolayisile fransa matbuatı Halil Bey'den büyük bir sitayiş ve takdirle bahsetmişlerdi. Ayni serği münasebetile alman matbuatı da tekrar Halil Bey'den bahsa başladı.

Misal olmak üzre, Halil Bey'in yaradıcılığını karakterize eden ve „Völkischer Beobachter" gazetesinde alman münekkitlerinden Dr. S. Şmelts*) tarafından yazılan bir mekaleyi hülâseten zikredelim:

„...O (Halil-Bey — S. B.) kendine mahsus bir teknik yaratıyor, fevkalâde büyük kıtada sulu boya resimler yaparak doğma yurdunun hayatını, gayet heyecanlı savaş manzaraları, vatanının tarihî dövüş hayallerini çiziyor. Fırçasından çıkan tipler, hep karakteristik, çehreli eski yurt âşınaleri, bir hayal kadar latif, karagözlü sermin elli şark kızlarıdır. Halil Beyin fırçası avrupalı kadın ve erkek çehrelerini dahi ayni nefaset ve mükemmeliyetle yapar".

Daha sonra:

„Tabloları seyredenler yeni ve kuvetli bir ton karşısında bulunuyor; renklerin ahengini, geniş dekoratif hatların mevcudiyetini seziyor ve kompozisyonda bir azamet görüyorlar. İşte Halil Beyin eserlerini bugünkü sanatın umumî karakterinden ayıran cihetler bunlardır. Renkler ve şekiller ifadeye tâbi kılınmıştır, her parçasında karakteristik bir ifade vardır. Dağların tersiminde, sujesini dağıştan nağmelerinden alarak çızdığı minyatür kızların hayalî çehrelerinde, kanlı intikam dövüşünden sonra barışmağı gösteren büyük tablodaki erkek simalerinde son derece mükemmel bir ifade kudreti mevcuttur. Hakeza, ince kadın ellerinde, hançeri tutan kemikli erkek yumruklarında bir hayatiyet, kanlı bir ifade göze carpmaktadır. Efsanevî sahneleri gösteren resimleri—hatların çızılışı, renklerin gayet ince işlenişi ve ahengi itibarile—kadim iran minyatürlerini andırıyorsa da renklerin kullanışı ve şekilce

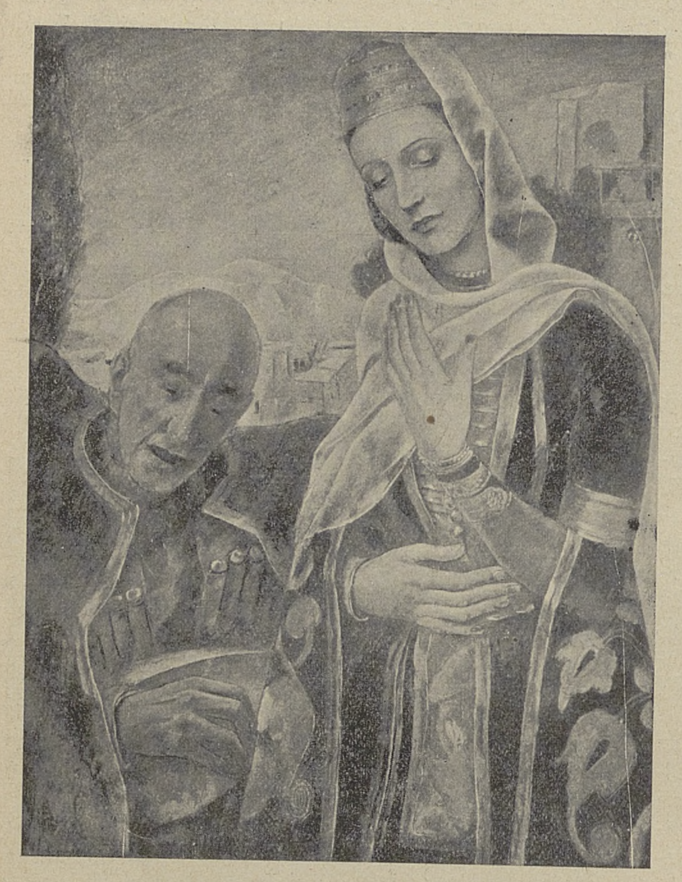

Halil-Bek Mussayasul'un eserlerinden bir örnek.
Образец творчества Халил-Бека Муссаясула.

*) Dr. Şmeltsin yazmış olduğu mekalenin tercümesi idarehanemize bir müddet evvel vefateden maruf lisaniyat ve Kafkasya mütahassisi prof. Adolf Dir'in refikası Lusi Dir tarafından gönderilmiştir.

onlardan temamen ayrıdır. Biz bugünkü garbi avrupalırar Halil Beyin resimlerinde gördügümüz kuvvetli ruhî ifadeye ve şayanî hayret temessül kabiliyetine hayranız.

O, becerik itibarile bir avrupalı, süje, ifade his ve hareket itibarile de asyalıdır.

Halil Bek Mussayasul'un eserlerinden bir örnek.
Образец творчессва Халил-Бека Муссаясула.

Portreleri, biz muasirleri yalnız fizikî benzeyiş itibarile değil, derunî, derin ruhî bir ifade itibarilede hayrete düşürecek kadar calelıdır. Onun son portreleri bilhassa kinyaz Bagration'un portresi (bu pertre vaktile Pariste „Salon 1933“ resim serglsinde çok beğenilmişti) bundan başka klasik sadelik ve ifade kudreti itibarile, de bir hususiyet arzeder. Çehrenın ifadesi, tersim edilmiş şahsın derunî hassaları hakkında derhal bir fikir veriyor. İşte resmın değerini de nihayet bu miyarla takdir edebiliyruz“. D-r Şmelts mekalesinin sonunda ilâve ediyorki:

„Genç ressam çok çapuk ilerilemiştir. İleride tekmil bugünün görüş ve moda haricinde olarak daha ziyade inkişaf edeceğine kuvvetle eminiz. Nevî şahsına munhasır, ferdî, incelmiş —aristokrat bir yaradıcılıkla karşı karşıya bulunuyoruz“.

İşte Dr. Şmelts'in mütalâası... Halil Beyin yaradıcılığı hakkında yazılan diğer yazılarda dahi aşağı yukarı aynı fikirleri görüyoruz.

Müsteit hemşerimiz doğma yurdunu katiyen unutmadan şöhret ve şeref yolunun yolcusu olmuş yürüyor. İşte Şimalî Kafkasya millî sanatı ilk defa olmak üzre Halil Beyin sıfatında beynelmilel sahaya çıkmış oluyor. Bu hakikatende büyük ve parlak bir muvaffakiyettir.

М. Э. Расул-Заде

Проблема Кавказа *)

Недавно выпущенная книга нашего соратника Мир Якуб-бея „Le Probléme du Caucase” дает нам повод вновь вернуться к этой теме.

Кавказский вопрос, как это особо отмечено в труде нашего коллеги, является одним из очень важных вопросов истории.

Этот вопрос, прежде всего, сводится к регулированию взаимоотношений национальных стремлений четырех главных элементов Кавказа. Затем этот вопрос является также проблемой взаимодействия различных мировых культур, которые с давних пор скрещиваются на этом перешейке, соединяющем Восток с Западом; взаимодействия, которые могут дать миру новые культурные ценности.

Книга Мир Якуб-бея ценна тем, что, в освещении этих двух сторон кавказской проблемы дает европейским читателям ценные сведения. Автор, после кратких и общих сведений о национальном возрождении, политической деятельности и

*) Турецкий текст настоящей статьи был напечатан в газете „Истиклал” № 44.

борьбе отдельных народов Кавказа за независимость, резюмирует также взаимоотношения кавказских республик, посвящая их недавней истории несколько живо изложенных страниц.

Мы не будем пересказывать тут эти события в изложении М. Я. бея, ибо находим, что все эти факты, более или менее, известны нашим читателям. Но считаем нужным отметить, что труд нашего сотоварища, в виду краткого и ясного изложения вопроса, является особо ценным и выгодно отличается от всех до сих пор выходивших на европейских языках трудов, касающихся этой темы. Заинтересованный читатель в этой книге, если и не найдет той или другой детали для выяснения некоторых сторон вопроса, в общем и целом о самой проблеме, несомненно, получит полное впечатление. Методичность и ясность изложения в этом гарантирует автору полный успех, в чем сердечно его поздравляем.

Да, народы Кавказа, увлеченные в далекие времена различными течениями истории, ныне живыми фактами ближайшей истории и актуальной жизни убедились в общности своих политических судеб. Поняли, что как христианам Кавказа, уповающим на Север, нет спасения в комбинациях, идущих во вред соседей — мусульман, так и мусульмане не могут добиться своей цели, игнорируя интересы своих соседей — христиан. В результате, как сами народы, рядом борющиеся против большевистской тирании там, на Родине, так и их политические представители здесь, в эмиграции, пришли к твердому убеждению, что кавказским народам, образовавшим национальные республики при падении царизма, для освобождения этих республик от большевистской оккупации, необходимо об'единить эти республики в конфедеративный союз.

Независимая Кавказская Конфедерация — вот актуальный лозунг, который пропагандирует в своей книге и Мир Якуб бей.

По нашему мнению, этот лозунг соответствует не только жизненным интересам кавказских народов, но и их южных соседей, т. е. Персии и Турции, вечно находящихся под угрозой русской экспансии.

Хотя в Турции иногда и слышатся голоса некоторых молодых и горячих голов, еще не успевших сойти с туманных облаков романтизма на суровую почву жестокой реальности, упрекающие нас—азербайджанцев, проповедывающих идею кавкасской солидарности, в „отступлении от тюркизма"— но мы, все-же, видя политическую деятельность государственных мужей республиканской Турции, уверены в том, что симпатия Турции находится на стороне нашей концепции.

Если Турция заключает пакт дружбы с Грецией, с кровавым противником борьбы за национальное освобождение, и начинает говорить о балканской федерации, как о жизненно - необходимой и спасительной идее, то почему Азербайджану нельзя не договориться с Грузией, с которой он никогда никаких кровавых конфликтов не имел, и почему же ему ставится в минус вхождение в Кавказскую Конфедерацию?!..

Если Турция, входя в балканскую федерацию, совершает „преступление по отношении к тюркской идее", пусть и Азербайджан будет таким-же „преступником"!... Мы уверены в себе. Если, быть может, когда либо придется нам отвечать перед мнимым прокурором истории, то, благо,— мы не одни,—защитимся вместе с балканскими федералистами из Турции.

Истинные ревнители тюркизма знают, что азербайджанское национальное движение никогда не было и не будет в таких политических комбинациях, которые могли-бы повредить обще-тюркским культурным ценностям. И для этого, собственно, национальный Азербайджан ищет выхода избавиться от советской оккупации, лишившей его возможности пользоваться благами этой культуры. Кавказская-же Конфедерация, по нашему, есть для этого реальный выход.

Для сохранения Азербайджана в лоне обще-тюркской культуры нет более верного способа, как изгнание России из Кавказа; а оно возможно только при одном случае—если все народы Кавказа будут вместе.

Азербайджан, находящийся в союзе Кавказской Конфедерации, не будет похож на Азербайджан в составе России, или-же, выражаясь современно,—в составе С.С.С.Р. Роль Азербайджана в независимом и конфедеративном Кавказе никогда не будет пассивной. Взаимодействия народов, находящихся в Кавказском Союзе, произойдут на совершенно свободных началах и добровольно, без всякого прину-

дительного давления с чьей-бы то не было стороны.

Что касается естественного первенства, возможного при всяком экономическом и культурном соревновании, то Азербайджану нечего бояться. Ведь тюркская национальная мощь и сила, о которых, не переставая, твердят романтики, не могут-же не проявить себя и тут?!...

Следовало-бы обратить внимание и на одно очень характерное явление. Русские империалисты всех мастей и покровов к идее Кавказской Конфедерации относятся враждебно. Армяне, к сожалению, еще не изжившие ориентировки на Россию, тоже не могут свыкнуться с этой мыслью, вследствие чего и остались вне кавказского об'единения, пропагандирующего эту мысль. Странно, что некоторые лица, мнящие себя тюркистами, поддаваясь тенденциозным и провокационным подшептываниям недругов нашего дела, выступают также против этой идеи. Странность, над которой кое кому стоило-бы призадуматься.

Наши критики, если обратили-бы на это внимание, то, быть может, не стали-бы так упрямо жертвовать реальностью во имя отвлеченных мечтаний.

Наш век с одной стороны отмечается борьбой народов за национальную независимость, а с другой стороны, он характерен также и тем, что национально-суверенные государства, в целях защиты общенасущных интересов экономического и политического характера, сговариваются между собой, связываясь федеративными узами. Наилучшей иллюстрацией этого положения является сама национальная Турция: еще вчера борющаяся за свой суверенитет чуть-ли не против всего мира, ныне она, выступая с идеей балканского союза, добровольно ограничивает себя федеративными рамками.

Стремясь восстановить потерянную независимость и успешно защитить ее в дальнейшем, азербайджанцы считают нужным связаться узами конфедерации со своими кавказскими соседями. Это их стремление вполне отвечает требованиям исторической необходимости и духу времени. Оно прямо вытекает из жизненных интересов Азербайджана.

Лицам, желающим подробно ознакомиться с деталями этого стремления, советуем прочитать книгу Мир Якуб бея.

Ш. Г.

Как создавалась новая Турция

(К 10-летию Турецкой Республики)

2 ноября 1922 года Великое национальное собрание в Ангоре, на основании только что принятых законов „Тешкилати эсасие", лишило верховной власти султана Магомета VI—36-го монарха из династии Османов, и провозгласило единственно правомочным правительством Турции правительство В. национального собрания.

„Собрание постановляет — писалось в резолюции по этому поводу—не признавать впредь никакой турецкой власти или правительства, которое не имеет за собой воли и помощи народа, и признает таковым только правительство Нац. собрания в Ангоре".

18 ноября того же года, после бегства султана на борт английского дредноута, собрание лишает его и звания халифа, избирая халифом Абдул Меджит Эфенди — его двоюродного брата.

29 октября 1923 г. Великое национальное собрание формально утверждает существующий уже фактически республиканский строй и провозглашает первым президентом республики основателя и вождя национально-освободительного движения — Гази Мустафа Кемаль Пашу. Тогда же день 29 октября был об'явлен национальным праздником турецкого народа.

Такова была последовательность событий, совершенно изменивших внутреннюю структуру турецкого государства и превративших жалкие остатки Оттоманской империи в полную молодой энергией республиканскую Турцию.

Имея возможность рассматривать эти события под углом некоторой исторической переспективы, мы не можем не признать, что чудесное преображение турецкой государственности стало возможным, главным образом, благодаря энергии и гению одного лица—Гази Мустафа Кемаль Паши.

Это он увлек за собой жизнеспособных и сильных духом патриотов и, опираясь на изумительную выносливость нации в целом, вывел Турцию из почти безна-

дежного положения. Унизительные, смертельные условия Севрского мирного договора были расторгнуты, и великие державы, только что сокрушившие грозную мощь Германии, должны были примириться с этим. В результате, появилась новая Турция, Турция республиканская и заставившая себя уважать — Турция Гази Мустафа Кемаль Паши.

Не надо забывать, что в 1918 г. Турция фактически не существовала. Судьба ее была предрешена. Она, по меньшей мере, должна была уйти из Европы и лишиться большинства владений в М. Азии. Уже по мудросскому договору о перемирии (30 окт. 1918 г.), она лишалась Палестины, почти всей Месопотамии и Сирии, отдавала в руки союзников проливы, а главное, давала им право (§ 7 договора) в любое время занять любую часть турецкой территории, если того потребуют „стратегические" соображения союзных держав.

В одной из своих тогдашних речей в палате общин, Черчилль заявлял, что „Турция должна быть разделена между союзниками". Как бы во исполнение этого заявления, англичане в начале 1919 г., опираясь на § 7 договора в Мудросе, занимают целый ряд пунктов в М. Азии — вплоть до Ангоры, Эски-Шехира и др.

16 марта 1920 г. английские войска (а вслед за ними и другие союзные) производят полную оккупацию проливов, занимая Станбул, Чанак-Кале и пр. пункты побережья и производя массовые аресты среди депутатов, министров, общественных и политических деятелей, протестующих против небывалого унижения суверенитета Турции.

Наконец, 10 августа 1920 г. державы-победительницы заставляют правительство султана подписать смертный приговор Турции — договор в Севр. Согласно этого договора, Турция лишается огромной части владений, фактически находящихся еще в ее руках, и становится формальной колонией держав-победительниц.

Все эти постыдные страницы турецкой истории были сметены патриотическим порывом, руководимым мудрой волей и железной энергией Мустафа Кемаля. Движение родилось под лозунгом активной вооруженной борьбы и только решительная победа в этой борьбе обеспечила ему успех. Мы смело можем сказать, что новая Турция появилась уже тогда, когда на полях Анатолии военный гений Гази дал анатолийскому движению окончательную победу.

Но победа эта досталась не легко. Она стоила обессиленной долголетней войной нации новых трех лет неимоверных усилий и жертвенности.

Война началась наново уже в 1919 г., когда 10 июля 1919 г., по инициативе Мустафа Кемаль Паши и его ближайших сотрудников,*) в Эрзеруме (в том Эрзеруме, который по букве Севрского договора должен был быть уступлен Армении) собрался конгресс представителей восточных вилайетов, решивших обсудить меры защиты Турции и, в частности, Анатолии. Уже на этом конгрессе выяснилось, что турецкая нация никогда не примирится с тем унизительным положением, которое подготовлялось для нее в европейских дипломатических кабинетах и которые инспирировалось поразительным отсутствием политического чутья у тогдашнего руководителя английской политики — Ллойд-Джорджа.

Конгресс в Эрзеруме заседал с перерывами около двух месяцев и при закрытии поручил Мустафа Кемаль Паше организовать защиту Анатолии.

14 сентября 1919 г. в Сивасе открывается второй конгресс, на котором уже присутствуют представители всех турецких провинций. Во время этого конгресса происходит образование „Мюдафаи хукук джамиети" (Общ-ва защиты прав), которое впоследствии преобразовалось в Народную партию (Халк фиркасы) — "правящую партию современной Турции. Председателем „Мюдафаи хукук джамиети" избран был опят-таки Мустафа Кемаль Паша. В Сивасе-же новое движение получило наименование движения „Куаи миллие" (Нац. силы).

Сивасский конгресс поставил точку над „і", определив окончательно позиции национальной Турции. Он принял резолюцию, значение которой для дальнейшего развития событий было огромно. Резолюция требовала, прежде всего, полного невмешательства во внутрение и внешние дела Турции, подчеркивала ненарушимость территории империи в пределах, на которые простиралась власть Турции в момент подписания перемирия, и, что самое главное, возобновляла войну на всех фронтах „против бесчестных захватов врагов до полного освобождения страны" — т. е. до момента достижения основных требований резолюции.

Этим патриотическая Турция бросила

*) В числе последних был, между прочим, и покойный Бекир Сами Бей.

перчатку могущественной и победоносной коалиции, диктовавшей в Версале миру свою волю.

Для того, чтобы решение не осталось только решением на бумаге, конгресс постановил образовать собственную армию, поставив во главе военной организации Мустафа Кемаль Пашу.

С этого момента анатолийское движение становится, главным образом, предприятием военным и, в силу этого, руководство движением сосредотачивается в руках Мустафа Кемаль Паши, как главы военной организации.

И вот, тут-то в полном об'еме сказались выдающиеся дарования будущего главы турецкого государства. С необычайной быстротой он организует в глубине Анатолии новый государственный центр и к середине 1920 г. располагает такой армией, которая позволяет вести войну одновременно на нескольких фронтах—против англичан, французов, греков и т. д.

По началу Мустафа Кемаль старался найти общий язык с представителями старой Турции, дабы совместными усилиями противодействовать анекссионным планам союзников. С этой целью, образованные по всей Анатолии после Сивасского конгресса локальные Общ-ва защиты прав (Мюдафаи хукук джамиети) высылали султану приветственные телеграммы, прося его благословить начавшееся движение.

Однако, под давлением Дамат Ферит Паши, тогдашнего главы станбульского кабинета и ставленника англичан, султан настраивается отрицательно к анатолийскому движению. Доходит даже до того, что он посылает карательные экспедиции в Анатолию.

В результате, Станбул окончательно погибает в глазах патриотов. С особенной яркостью положение это выявилось в парламенте, созванном в Станбуле кабинетом Али Риза Паши 12 января 1920 г. Из 130 с'ехавшихся депутатов—127 образовали блок „Феляхи Ватан" (Спасения Родины) и всецело присоединились к политике движения „Куаи миллие". Блок „Феляхи Ватан" огласил программу—минимум (Pacte National), в которой подтверждались основные требования Сивасского конгресса. В результате, последовала отмеченная нами выше оккупация Станбула, разгон парламента и аресты депутатов и, наконец, (13 апр. 1920 г.) специальная фетва, обнародованная от имени султана и халифа Дамат Ферит Пашей (с приходом англичан снова появившегося у власти) и шейх-уль-исламом Абдуллахом Дури-Заде. В фетве анатолийцы об'являлись мятежниками и предавались проклятию.

Последний акт совершенно исключил всякое сотрудничество Ангоры с Станбулом. С этого момента Ангора пошла своими собственными путями, приняв на себя de facto представительство интересов суверенной Турции. Султан считался „в плену у англичан" и потому его распоряжения не подлежали исполнению, как принятые под давлением иностранной вооруженной силы.

Моральное значение Мустафа Кемаль Паши увеличилось еще более с образованием Великого национального собрания (23 апр. 1920 г.), в которое вошли бежавшие из Станбула депутаты парламента и сената и вновь избранные представители вилайетов Анатолии.

В. н. собрание всецело одобрило мероприятия Мустафа Кемаля и стало тем демократическим фоном, при помощи которого он продолжал дальнейшую организацию нац. сил в Анатолии.

Грубая политика Ллойд-Джорджа и начавшиеся разногласия между союзниками значительно облегчали ему работу.

Миссия Бекир Сами Бея, выехавшего весной 1921 г. в Европу, способствовала восстановлению нормальных отношений с Францией и Италией и привела к изоляции Англии в турецком вопросе. С Англией оставалась только Греция, заинтересованная в сохранении за собой значительных пространств турецкой территории, признанных ей по Севрскому договору. Во время Лондонской конференции в феврале 1921 г. греческий представитель Калопулос хвастливо заявлял, что и „без военной помощи союзников Греция способна в течении трех месяцев умиротворить Анатолию при помощи наступления, план которого изучается", подчеркивая при этом, что Греция никогда не согласится на пересмотр Севрского договора.

На той же конференции представители Франции и Италии решительно отказались „умиротворять Анатолию", не из'явила охоту к открытому вмешательству и Англия, предпочтя использовать для своих целей Грецию.

Это значительно облегчало положение Ангоры. Могущественная коалиция распалась, и Ангора имела перед собой лишь

вооруженные силы греков, которые одни должны были претворить в жизнь условия Севрского договора.

23 марта 1921 г. обозначилось наступление ген. Папуласа вглубь Анатолии. Но уже через несколько дней греки потерпели неудачу под Ин-Эню и вернулись вспять.

В июле того же года начато было новое наступление, которым на этот раз руководил лично король Константин. Наступление развивалось по-началу успешно. Был момент, когда судьба анатолийского движения казалось решеной. 24 августа греки перешли реку Сахария и угрожали самой Ангоре, эвакуация которой уже началась. Греческий флот, вернее единственный боеспособный крейсер этого флота — „Аверов", беспрепятственно бомбардировал Анатолийское побережье, и турки, лишенные совершенно флота, ничего не могли противопоставить даже этому жалкому подобию боевого корабля.

В этот исключительно опасный момент с особенной яркостью выявились военные и дипломатические дарования Мустафа Кемаля. Он категорически уклонился от той военной помощи, которую настойчиво предлагала ему Москва (после договора от 16 марта 1921 г.), так как прекрасно понимал, что руководимая задачами русской политики на востоке „союзная" красная армия не легко покинет впоследствии пределы Турции. Однако, он широко черпал русское золото, предлагаемое ему опасавшейся его европейской ориентации Москвой, и тут же обменивал его на необходимое военное снаряжение, открыто доставляемое вчерашними союзниками Англии.

В результате, греческое наступление вновь было остановлено, и Ангора сама стала готовиться к нанесению решительного удара.

Сражение на реке Сахария, закончившееся в сентябре 1921 г., определило линию фронта и границу оккупированной греками территории следующим образом:

От Мраморного моря до Эски-Шехира (северный сектор), от Эски-Шехира по прямой к югу через Афиун-Кара-Гисар (центральный сектор) и, наконец, по долине Меандра к Эгейскому морю (южный сектор).

На этой линии, без значительных изменений, противники удерживались почти год. В продолжении этого года, турецкая армия реорганизовывалась и снабжалась всем необходимым. Усиленно снабжалась и греческая армия из сумм т. н. греческого займа, который в количестве 15 мил. фунтов стерл. был гарантирован в декабре 1921 г. британским лордом казначейства.

К августу 1922 г. приготовления были закончены и последовал последний акт вооруженной борьбы за новую Турцию. 26 августа турецкая армия перешла в решительное наступление. Согласно лично разработанному Мустафа Кемаль Пашей плану, удар был нанесен одновременно тремя группами. Центральная группа, под непосредственным начальством самого Гази, через 24 часа после начала наступления заняла Афиун-Кара-Гисар. Южная группа Исмет Паши с максимальной быстротой двинулась вдоль железной дороги Афиун-Кара-Гисар — Ушак — Смирна, повергая на своем пути греческие войска в безумную панику. На севере группа Рифет Паши стала продвигаться в направлении Бруссы.

Разгром греков был полный. Они не пытались удержаться даже на второй линии: Ушак — Брусса, оставляя в руках турок массу пленных и снаряжения. В Ушаке попал в плен сам генералиссимус Трикуписс со всем своим штабом.

Менее чем в 2 недели греческая оккупационная армия перестала существовать. 8 сентября турецкие войска торжественно вступили в Смирну, а 11 сентября туда же прибыл Мустафа Кемаль.

Эта военная победа предопределила дальнейшие дипломатические успехи Турции, превратив ее из побежденной в победоносную и окончательно утвердив международные позиции Ангоры.

Она открыла свободной путь в Лозанну и сделала возможным акт 29 октября, а так же все предшествующие и последующие акты, изменившие совершенно внутренний и внешний облик Турции.

Новая Турция является, прежде всего, результатом жертвенного подвига турецкой армии и ее вождя Гази Мустафа Кемаля.

Станбул, октябрь 1933.

Арслан

Почему мы должны изучать нашу историю

Сенатор Ст. Седлецкий, наш испытанный друг, преподал нам вновь на страницах нашего журнала несколько дружеских советов.

На этот раз он говорил о необходимости детального обоснования наших национальных требований, необходимости доказательства их реальности и действительной пользы в деле дальнейшего развития нашего народа.

При этом к проблеме нашей независимости он подошел со всех сторон — со стороны экономической, культурных возможностей, а главное, со стороны милитарной — наших военных возможностей, которые должны дать и сохранить за нами свободу.

Но, затрагивая все эти вопросы, сенатор Седлецкий не дает в большинстве случаев на них ответов. Он советует (вполне справедливо) нам самим искать эти ответы, указывая в качестве источника наше прошлое, нашу историю. Наша история, говорит он, должна дать ответ на все волнующие нас вопросы, а во многих случаях и готовые образцы, которым мы должны следовать.

И вот, соглашаясь с сенатором Седлецким в необходимости более детального обоснования всего того, к чему мы стремимся и во что верим, мы, однако, не считаем возможным применить к нашему прошлому тот подход, каковой рекомендует нам сенатор Седлецкий.

Правда, мы должны знать наше прошлое, должны изучать его, писать о нем возможно больше — но все это не для того, чтобы копировать и восстанавливать отжившие во многих случаях образцы этого прошлого.

В настоящий момент, когда мы лишь шествует к независимости, но еще ее не достигли, наше прошлое необходимо нам, главным образом, для целей воспитательно-пропагандистических. Воспитательных — у себя, пропагандистических — преимущественно во вне.

Не думаем мы, так-же, что, когда мы достигнем независимости, прошлое станет тем единственным началом, которое ляжет в основу нашей государственной конструкции.

Для нас важен дух прошлого, но не форма. Мы должны изучать тактику Шамиля не для того, чтобы ей следовать, но для того, чтобы восстановить там, где он потерян, тот дух, который вел войска Шамиля к победам. В век аэропланов, танков, удушливых газов тактика Шамиля едва-ли применима, но дух продолжает играть туже роль, каковую он играл и 50, и 100, и т. д. лет тому назад. Поэтому-то для нас менее важно и то — имел-ли Шамиль санитарную часть и как она у него была организована, или как работала в те времена интендантская часть, чем, например, детальное освещение массовых случаев, когда раненные и голодные бойцы посыпали раны порохом, затыкали их пыжами от патронов или-же клочками черкесок и продолжали борьбу до последнего вздоха.

Санитарная и провиантская часть Имама, хотя и исполняли, может быть, с успехом свою роль, но, однако и наверное, далеки были от совершенства и, тем более, от современных образцов. Нужно-ли им в этом случае сейчас уделять столько внимания?

Конечно, когда мы пишем о нашей истории, то должны писать и об этих, скажем, мелочах, но только постолько, посколько это необходимо для восстановления исторической правды, для опровержения лжи русских историков, которые постарались нас представить во вне в роли почти дикарей, не способных к самостоятельному государственному строительству.

Но в основном, при изучении нашего прошлого в настоящий момент, мы должны быть романтиками, ибо романтизм не потерял еще своей привлекательности; он продолжает оставаться наилучшей школой духа. Дух-же, повторяем, играет для нас сейчас решающее значение.

Мы должны подходить к нашей истории так-же, как подходил к истории Польши Сенкевич, когда писал свою бессмертную трилогию. Мы должны исходит из того, из чего исходит, например, польский военный историк, пишущий о старой польской гусарии. Тактика и организация гусарии являются для него историческим фактом, определенным этапом в развитии польской кавалерии, который уже пройден. Он не призывает следовать прошлым

образцам, ставшим уже анахронизмом, но берет из прошлого то единственно конструктивное, которое даже через многие столетия способно возбуждать благородный энтузиазм — дух гусарии.

Недаром Муссолини старается восстановить дух древнего Рима, облекая его в новые формы фашизма. Муссолини — величайший романтик нашей эпохи, но, не надо забывать, что он одновременно является и гениальным практиком.

* * *

Сенатор Седлецкий говорит, что наша история должна нам ответить—можем-ли мы „как народ, порабощенный народом более многочисленным и сильнейшим, очутиться в отношении своего поработителя в таком благоприятном положении", которое позволит нам освободиться.

Мы думаем, что наша история не может дать ответ на это. Мало того, на так поставленный вопрос она может ответить только отрицательно.

Но, зато, положительно ответить на это нам может современность.

Во времена Шамиля и даже в 1917—18 г.г. не было „Прометея"; никто не говорил о Кавказской Конфедерации так, как говорят сейчас; наконец, не было независимых Эстонии, Латвии, Литвы, насчитывающих по 1—2 мил. населения.

Современность нам может преподать и то, как надо освобождаться. Мы имеем превосходные примеры освободительной работы Пилсудского, Масарика, ирландских националистов. Для практической деятельности в настоящее время, мы должны использовать, именно, эти примеры.

Короче говоря, в своей освободительной работе мы должны исходить из настоящего, в основу-же будущего независимого бытия мы должны поставить современные образцы, придав им лишь национальную форму.

Ренан в следующих словах определяет роль истории в жизни народов: „Героическое прошлое, великие люди, слава (я говорю о настоящей славе),—вот социальный капитал, на котором основывается национальная идея".

Мы согласны с Ренаном. И поэтому для нас основное в нашей истории—дух, но не форма. Школой духа, прежде всего, должна стать для нас наша история.

Али Султан

Кумыкская литература

Когда в нашей среде возникает разговор о будущем общем языке, то многие выдвигают в качестве такового кумыкский язык. Сторонники такого разрешения вопроса указывают, прежде всего, на широкое распространение кумыкского языка, говоря что в пределах бывшей Дагестанской области и в восточной части бывшей Терской области он уже издавна выполнял роль междуплеменного языка. Затем, они подчеркивают легкость его изучения, считая (не без основания), что в фонетическом и грамматическом отношении он является наиболее простым из всех наших языков.

В настоящем мы не наверены ни отстаивать, ни отрицать точку зрения сторонников кумыкского языка. Нам хочется сделать лишь краткий обзор кумыкской литературы, дабы облегчить интересующимся вопросом общего языка ориентацию при возможных дискуссиях на эту тему.

Итак, прежде всего, мы должны констатировать, что письменная кумыкская литература еще очень молода. Она, пожалуй, старше многих иных горских литератур, но, все-же, в сравнении с литературами иных культурных народов, она находится в младенческом состоянии.

Известный тюрколог, проф. Чобан-Заде, говорит, что между письменной литературой и народной словесностью кумыков с внешней стороны почти нет никакой разницы. По форме и содержанию, говорит он, кумыкская изящная литература мало чем отличается от народной словесности.

Отсутствие национальных школ, характеризующее владычество царизма на Кавказе,*) лишало национальные литературы

*) Нельзя считать национальными школами и школы, открытые советской властью, ибо, как известно, в них, под видом „национальной по форме и коммунистической по содержанию культуры", проводится в немного измененном виде старая руссификаторская политика.

кавказских народов основного условия для успешного развития.

Участи этой не избегла и кумыкская литература. Первое печатное произведение на кумыкском языке появилось только в 1883 г. Это был литературный сборник Магомета Осман-Оглы, изданный с научной целью Петербургским восточным факультетом. Здесь были собраны образцы кумыкско-ногайской народной словесности. Создается впечатление, что, издавая его, автор хотел подчеркнуть ближайшее родство, вернее — почти полное отсутствие различий, между северо-кавкасскими тюркскими наречиями, которые, кроме перечисленных двух, представляются еще, как известно, балкарским и карачаевским.

После появления сборника Магомета Осман-Оглы, кумыкская литература начала шириться, при чем издание новых книг перешло уже в частные руки. Книги издаются в Дагестане, Москве и Константинополе. Издаются, как произведения изящной литературы, так и книги религиозного содержания, учебники и т. п., которыми снабжаются духовные школы, существующие при мечетях.

В народном творчестве кумыков чаще всего встречаются следующие темы: 1 — кровавая месть, 2—похищение девушек, 3—джигитизм (молодечество), 4—любовь, 5—бедность и богатство (рабство и господство), 6—эпические сказания и легенды. В последнем случае у кумыков мы встречаем общие всем горцам сказания о богатырях-нартах, неизвестные тюркским народам вне Северного Кавказа.

Тематика письменной литературы, чаще всего, такова: 1 — анализ мусульманской религии и шариата, 2—духовенство, 3 — воспоминания об эпохе Шамиля, 4 — общественное положение мусульманской женщины, 5—просвещение и его значение, 6—вопросы эмиграции (в связи с владычеством русских) и т. д.

Таким образом, мы замечаем, как письменная литература приспосабливается к требованиям момента, отражает общественные течения, назревающие в горской среде, принимая, зачастую, как мы увидим далее—при разборе творчества отдельных лиц, ярко выраженный национально-освободительный характер. Дух и философия литературы определяются жизнью и бытом народа.

Для характеристики-же ее с внешней стороны, мы должны сказать, что в ней содержится значительная примесь арабских и персидских слов, которые чаще всего употребляются для выражения абстрактных понятий. Кумыкский язык не выработал еще, для определения многих из этих понятий, собственных слов.

Перейдем ныне к рассмотренению творчества отдельных поэтов и писателей.

МАГОМЕТ-ЭФЕНДИ ОСМАН-ОГЛЫ

М. Осман-Оглы является одним из первых кумыкских поэтов и культурных работников. Происходил он из аула Аксай. Отец его был муллой при царском конвое в Петербурге, когда этот конвой комплектовался еще из представителей кавкасской знати. После смерти отца, должность муллы при конвое перешла к нему.

Немного позже, по совету проф. Казем-Бека — азербайджанца по происхождению, *) он начинает преподавать на восточном факультете Петербургского университета кумыкский язык. В это то время восточный факультет выпускает упоминаемый нами выше сборник, в который, кроме ногайско-кумыкских текстов, входят и читанные им лекции о кумыкском языке, а так-же в последнем, 14 отделе, его собственные стихотворения и стихотворения некоторых кумыкских поэтов.

Но М. Осман-Оглы принадлежит еще очень много стихов, не вошедших в этот сборник; стихи эти, к сожалению, не были изданы в печати, но народ до настоящего времени сохранил их, передавая из уст в уста.

В своих произведениях М. Осман-Оглы был поэтом-общественником. Он живо реагировал на всякую отрицательную сторону горской жизни, горского быта. Так например, он беспощадно осуждал пьянство и курение, уподобляясь в этом случае знаменитому туркменскому поэту Махмуд-Кули, который так-же громил эти пороки в своих произведениях. В своем произведении „Девица роз" М. Осман-Оглы очень ярко изображает положение горянки, которая, по его мнению, пользовалась в горской семье не достаточной свободой.

Но, как ни странно для поэта-„прогрессиста", М. Осман-Оглы не осуждает, например, обычая кровавой мести. Наобо-

*) Между прочим, обруссевший потомок проф. Казем-Бека возглавляет сейчас т. н. младоросское движение среди русской эмиграции.

рот, в своих произведениях, он, подобно другим кумыкским поэтам, считает кровавую месть необходимым элементом горского быта. Кровавая месть — это священный долг, который каждым в случае нужды должен быть выполнен.

Литературный язык Осман-Оглы прост, стиль своеобразен и прекрасен. Как поэт, он вырос и окреп в эпоху Гаспринского, который был творцом не только общетюркского языка, но и великим реформатором мусульманского быта. Поэтому-то в его творчестве нашли отражение новые идеи, навеянные эпохой Гаспринского.

МАНАЙ АЛИБЕК-ОГЛЫ

Манай Алибек-Оглы был так-же уроженцем Аксая. Творчество его носит уже ярко окрашенный политический характер. Он горько высмеивает в нем уродливые формы русского управления. Пристав, бюрократический канцелярский чиновник и взяточник-судья, столпы оккупационного режима на Кавказе, ярко изображены им в стихотворении „Судья и его деяния".

В стихотворении „Заявление Кавказских гор" он уже указывает конкретные меры для избавления от русского гнета. Он призывает в нем к открытому восстанию, говоря, что русское владычество является источником всех бедствий, постигших Кавказские горы.

Влияние Гаспринского отразилось и на нем. Он был так-же сторонником „нового метода преподавання", неоднократно осуждая в своих произведениях ту консервативную часть духовенства, которая противилась этому методу.

Затем, много места он посвятил и вопросу эмиграции в Турцию, которая в конце прошлого столетия, благодаря политике притеснений и специальной агитации русского пр-ва, вновь начала распространяться среди горцев. Манай открыто осудил эмиграцию, считая ее вредной для народа в целом.

Наконец, Манай был и бытописателем. Он так-же пишет о кровавой мести, семейном и общественном быте и т. д. Его произведения в этой отрасли могут служить прекрасным материалом для этнографических исследований.

Собрание сочинений Маная Алибек-Оглы было издано Микаэлем Канболатом в 1925 году. Манай был менее счастлив, чем его предшественник—М. Осман-Оглы, ибо не дожил до этого момента и не видел своих произведений в печатном виде.

ЭБУ-СУФЬЯН

Э. Суфьян принадлежит так-же к „старой гвардии" кумыкской литературы, ибо, несмотря на то, что он дожил до большевиков,*) в своем творчестве он придерживается старых образцов.

Родился он в ауле Казаныш. Учился вначале в дагестанских медрессе, а затем у „неометодистов" — Ф. Керими в Оренбурге и у Гаспринского в Крыму. В совершенстве знает арабские и персидские языки и, конечно, различные тюркские наречия.

Как поэт, Э. Суфьян гораздо слабее иных кумыкских поэтов. Но, зато, он универсален: он и поэт, и общественный деятель, методист, лингвист и переводчик.

Он основал первую тюркскую типографию в Дагестане и положил начало книгопечатания. Он открыл так-же первую на Северном Кавказе обновленную духовную семинарию, по образцу тех, которые уже существовали в то время у приволжских татар. Он написал массу разнообразных учебников (географии, ариѳметики, алгебры и т. д.), перевел несколько десятков книг с османского наречия, составил словарь политических слов и терминов. Им-же составлены два иные словаря: 1 — сравнительный словарь — арабский, кумыкский, кази-кумыкский, аварский, чеченский и русский и 2 — словарь арабско-персидских литературных слов, необходимых для понимания турецких и азербайджанских печатных произведений.

Кроме этого, его перу принадлежат два огромных труда: 1 — Сборник религиозной народной словесности и 2 — Сборник стихотворений светского характера. В последний сборник он, наряду с произведениями иных кумыкских поэтов, включил и свои собственные стихи, а так-же народные поговорки, пословицы и т. п. В этом-же сборнике находятся и стихи Газака,—пожалуй, наиболее талантливого из всех кумыкских поэтов.

Творчество Газака свободно от всякого подражания, язык необыкновенно выразителен и богат оригинальными эстетическими моментами. Проф. Чобан-Заде сравнивает его с знаменитым туркменским

*) Э. Суфьян был жив еще в 1928 г.

FROM THE EDITORS

The article entitled „Notes on the fundamental points of our national work in other countries" and published in our last issue, was intended to apply to our old emigration. In the English translation of that article, however, the phrase „our old emigration" was translated as „the older generation of our old emigration". As a result, the sense of the article was somewhat distordet and this note is intended to correct any false impressions which may have been evoked.

поэтом Махмуд-Кули, говоря при этом, что стиль Газака гораздо сильнее, красивее и отчетливее стиля Махмуд-Кули.

Газак замыкает собой „старую гвардию" молодой кумыкской литературы.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ КУМЫКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К числу современных кумыкских писателей относится Тимур-Болат Бек-Болат — земляк Э. Суфьяна, уроженец аула Казаныш. Тимур-Болат родился в 1880 г. и по летам принадлежит уже старшему поколению. В 1917 г. в Темир-Хан-Шуре он издает журнал „Тан-Чолпан" — первый кумыкский журнал.

Но не журнал доставил известность Бек-Болату. Бек-Болат известен как первый кумыкский драматург. Первая кумыкская пьеса, увидевшая свет рампы, принадлежит ему.

Творчеству его по-началу носило тотже характер, что и творчество его предшественников. Оно было национально, отражая одновременно прогрессивные идеи эпохи Гаспринского.

Но появление большевизма обратило его в „попутчика" советской идеологии. Особенно это заметно в его драме „Шамиль в Ахульго". В предисловии к русскому переводу этой драмы он сам замечает, что писал ее „исходя из советской идеологии".

В результате, жена Шамиля и некоторые мюриды превращаются у него в безбожников, эпоха Шамиля представляется в виде своеобразной подготовительной репетиции к сегоднешнему „социалистическому строительству" и т. п. Но это не мешает ему, все-же, написать в упомянутом предисловии, что „борьба Шамиля (которого он называет „Имам Азам" — Великий Имам) выковывала сильные натуры и сильных волей борцов, передавших потомству убеждения в светлости идей свободы, в необходимости об'единения". (Тимур-Болат имеет в виду общегорское об'единение).

Но, несмотря на все отклонения, творчество Т.-Б. Бек-Болата остается национальным творчеством, ибо в основном оно продолжает традиции основоположников кумыкской письменной литературы. Он пишет и стихотворения. Как поэзия, так и проза его отличаются простотой языка и красотой стиля.

К „попутчикам" принадлежит и неизвестный до 1925 года (когда вышел первый том его стихов) поэт Алим Салават. Это уже „попутчик" более злостный, с партбилетом и „революционным энтузиазмом". О характере его творчества можно судить по заглавиям его стихов: „В революционные дни", „Товарищам" и т. п. Алим Салават — представитель творчества на заказ; национальным в нем является только язык, хотя и последний содержит в себе значительную примесь русско-советских варваризмов.

Печатающиеся в настоящее время иные кумыкские поэты так-же мало чем отличаются от Алима Салавата. Национальная литература ушла в подполье, ходит по рукам вновь в рукописном виде.

Было-бы ошибочно поэтому судить о кумыкской литературе по тем произведениям, которые выпускаются советскими издательствами и которые „исходят из советской идеологии" в большинстве случаев из-за желания угодить правящей власти.

Поэтому-же нельзя в настоящее время говорить о действительном развитии и достижениях кумыкской литературы.

Тавриз, сентябрь 1933.

Ахмет Цалыккаты

Мудрость ужа*)

(северо-кавказская легенда)

Это было давно, а когда никто не знает. Жил в горах, в ущельи человек. Звали его Муса. А у него была жена — красавица Алгинет. Жили, как все живут. В поте лица добывали хлеб свой. И были бы счастливы, если бы не было у них горя.

А горе то было большое.

Нет счастья в семье, где нет детей. Как хотели они иметь сына...

И часто украдкой со слезали на глазах молила красавица Алгинет Всемогущего Аллаха даровать ей сына.

Милосерден Аллах и услышал он мольбу бедной женщины.

Родила Алгинет сына. И назвали его Ибрагимом.

Растет мальчик. Крепнет день ото дня и—радует сердце родителей. Но кто знает судьбу человека... Кто может предсказать завтрашний день. Кто может прочитать, что написано в книге судеб, в книге жизни и смерти, которую носит с собой ангел человека от дня его рождения до часа кончины. За солнечным днем бывает пасмурно, а из-за туч выглядывает солнце.

Простудилась и умерла красавица Алгинет. Опустела сакля Мусы. Большое горе постигло его. Но предаваться горю — не мужское дело. Погоревал, погоревал Муса, и принялся снова за свой тяжелый труд. Плохо было только то, что приходилось Мусе оставлять своего сына в сакле, а самому уходить на работу.

Но в сакле Мусы издавна жило еще одно живое существо. И Муса и его покойная жена были привязаны к этому существу. В своем одиночестве они считали его членом семьи.

Существом этим был уж. Казалось, уж полюбил маленького Ибрагима. Так дружно играли они вместе. И без страха оставлял Муса своего сына на попечение ужа.

Проходили дни. Рос Ибрагим.

Однажды, уходя из дома, по обыкновению, разослал Муса на земле коврик, посадил на него сына и поставил перед ним чашку с молоком.

Ушел на работу.

Вечером вернулся домой.

Едва переступил порог, как криком ужаса огласил саклю:

— Иа—Аллах!..

На коврике лежало бездыханное тело сына. Кинулся Муса к сыну. Схватил его на руки. Тряс и звал задыхающимся голосом:

— Ибрагим, Ибрагим...

Но немы были уста ребенка. Не откликались они на отчаянный зов отца. Посмотрел Муса на коврик и увидел опрокинутую чашку с молоком, кухонный нож и кончик хвоста ужа.

Взглянул снова на Ибрагима и тут только заметил на шее у него темную полоску, будто шея была перевязана синей узкой ленточкой.

Задумался Муса над загадкой смерти сына.

Долго думал, пока картина печального события не стала для него ясной.

Грустно помотал головой и сказал про себя:

— Так... так...

Уж захотел полакомиться молоком, подполз к Ибрагиму, а тот, играя ножем, ударял им по полу и нечаянно отсек ужу кончик хвоста...

В ярости уж задушил мальчика...

* * *

Дни шли за днями. Года за годами. Лечит время горе человеческое. Залечилось и горе Мусы. Привык. Но к чему не мог привыкнуть Муса—к одиночеству. Все больше и больше томило оно его.

И решил он разыскать своего старого друга—ужа. Ходил по сакле и звал. Клялся, что забыл горе, которое ему тот причинил. Говорил, что все простил, что помнит только одну старую дружбу.

Но уж не откликался.

---

*) Рассказы „Мудрость ужа” и „Память о мертвых” принадлежат к неизданным произвеиямден покойного автора. В одном и томже номере помещаем мы их намеренно, ибо они, как бы, дополняют друг друга. В рассказе „Мудрость ужа” в ответе ужа Мусе излагается внутренняя сущность обычая кровавой мести, психологические предпосылки, которые делают еще возможным в нашей среде этот обычай, заставляя многих из нас чтить ”память о мертвых” так, как ее чтил Тох. Противники обычая кровавой мести не должны забывать, что, если внутри нас этот обычай является социальным злом, то во вне, в борьбе с поработителем, он весьма часто превращается в активизирующее начало — ред.

Так это повторялось несколько раз.

И вот, однажды, в ответ на призыв Мусы послышался голос:

— Что тебе нужно человек?

— О, наконец то, я нашел тебя,—воскликнул радостно Муса—вернись ко мне, я так одинок. Верь, то зло, которое ты причинил мне, давно забыто. Иди ко мне. Заживем вместе и вновь будем друзьями.

— Я глубоко жалею о случившемся,— отвечал тот же голос,—скорблю и о твоем одиночестве, но вернуться и вновь жить вместе с тобой—не могу.

— Скажи, разве при взгляде на меня не будет пред тобой вечно вставать образ твоего сына, задушенного мной. Я же в свою очередь, живя с тобой, не в силах буду забыть о своем хвосте, отрубленном твоим сыном... Прощай, Муса, и больше никогда не зови меня...

Ахмет Цалыккаты

Память о мертвых

Кровь смывается кровью.

(Поговорка).

— Стой! — сдерживая высокого гнедого мерина, запрявшего тонкими кабардинскими ушами и нервно закусившего удила, кидает нам повелительно Тох, — лучшего места для ночлега мы не найдем. Свернем в сторону и вон там, на прогалине, расположимся на отдых.

Тох, не торопясь, плавно — величественным движением руки, подымает плеть и, повернувшись в седле, показывает на обозначившуюся за чащей буков и дубков прогалину, влево от нашей дороги.

Для нас заявление Тоха — приказ. И, когда Тох, тронув коня, сворачивает в сторону, мы — Дато и я, подобрав поводья, беспрекословно и почтительно следуем за нашим вожатым.

— Тут! — глухо произносит Тох. Останавливает мерина, и не успевает перебросить ногу с седла, как я уже готов: держу правой рукой поводья коня Тоха, а левой поддерживаю стремя.

Несмотря на возраст, с юношеской легкостью, бесшумно соскакивает Тох с коня.

— Живи много лет, мальчик! — обращается он ко мне, передавая коня,— хвала Богу, находясь среди русских, ты не забыл обычаев, оставшихся нам от отцов: „уже в теленке виден будущий вол" — так говорили наши отцы. Великая мудрость! — „Из под шиповника растет шиповник" — разве это не правда?! И это тоже мудрость наших предков. Он наставительно подымает указательный палец левой руки и я вижу, как сливаются в одну дугу его пепельного цвета густые клочковатые брови и проницательный взгляд серых глаз пронизывает меня насквозь.

Дато тоже одновременно со мной соскакивает с коня и как подобает благовоспитанному младшему поддерживает сентенции, высказанные Тохом: — Правильно, добрый старший, правильно — говорит он в то время, как я принимаю коня и от него.

Я отвожу коней в сторону. Вынимаю железо из ртов, облегчаю подпруги и, поводив некоторое время, чтобы они остыли, стреноживаю — сначала гнедого мерина Тоха, а потом Дато и своего. Ни у Дато, ни у меня треногов не оказывается, и я поводьями обвязываю бабки наших коней, а концы поводьев привязываю к стременам.

Потрясшись, кони, отдуваясь и фыркая, жадно набрасываются на покрытую росой сочную лесную траву.

Когда я возвращаюсь к старшим, то у них уже весело трещит костер. А около костра положены бурки.

Дато, стоя на коленях, роется в переметных сумах, снятых им со своего седла и вынимает оттуда вкусные с'едобные вещи: вареную, всю заплывшую желтоватым жиром, курицу, овечий сыр, лук, чурек из белой пшеничной муки, яйца в крутую и уже очищенные от скорлупы. Рядом на бурке сидит на корточках Тох. Он неподвижен как статуя. Бесстрастным взором следит за проворными движениями Дато.

Импровизированный стол готов. Курица хорошо сварена и разделить ее на составные части не представляет для Дато особенного труда. Сыр и хлеб расположи-

лись на бурке тонкими манящими ломтями. Для этой операции Дато вынул с тыльной стороны широкого, покрытого черным сафьяном кинжала, из искусно приделанного ложа, продолговатый ножичек с черной роговой ручкой. Он очень проворно работает этим ножичком. — Садись и ты, мальчик! — обращается ко мне Тох, после того, как Дато заканчивает свои приготовления.

Я отрицательно качаю головой.

Будто для подтверждения своего отрицания крепче сжимаю кинжал, на рукоятку которого опираюсь обеими руками, держа его перпендикулярно земле, и перемещаю ноги, оттянув назад находивщуюся впереди левую и поставив на ее место правую.

Мой стан крепко охвачен ремнем, а узкая черкеска, в талии облегая как перчатка, сжимает мне бока, но мна нравится это состояние стянутых и напряженных мускул тела.

Садись, говорю я тебе! — повторяет Тох еще более повелительно. — Мы в дороге и к тому же ты не обыкновенный аульный мальчик.

И когда он, тряхнув головой, еще раз предлагает мне с едва уловимым раздражением:

— Садись!

Я быстро приседаю на корточки у края бурки, на которой расположились мои старшие.

Преломляя хлеб Тох молитвенно шепчет:

— Бисмилляги!

И не спеша подносит ко рту небольшой кусок. Долго, сосредоточенно жует.

То же проделываем и мы.

В молчании чинно проходит наша трапеза. Мы очень голодны, но стыдно горцу показывать, что он чувствует голод, и быть торопливым и жадным в еде.

Осенняя ночь. Тьма быстро надвигается, густой пеленой окутывая нас со всех сторон. Теряются контуры предметов, погружающихся и исчезающих в этой тьме. В небе ни одной звездочки. Не видно и близко расположенных горных вершин, покрытых вечными снегами. Только откуда то с высот сползает холод и начинает пробираться к телу сквозь вату наших теплых зимних бешметов.

Надвигалась одна из тех темных кавкасских ночей, которые во все времена являлись излюбленными для „рыцарей опасных похождений".

Тихо. Только иногда над головой завоет жалобно ветер; зашелестят увядшие листья, и я чувствую, как все эти звуки отдаются в моем сердце грустью. Мне чудится сказка леса осеннего, увядающего.

И в эту сказку грубой прозой врывается фырканье наших стреноженных коней.

Я отчетливо различаю — хриплое чавканье гнедого мерина Тоха, самодовольное посапывание моего легкомысленного пегого конька, только что вступившего в весеннюю пору жизни и солидное покашливание, видавшего много видов вороного красавца Дато.

Трапеза кончена.

— Аль-хамдуллилья — произносит Тох и концами пальцев обеих рук проводит по коротко подстриженной рыжеватой с проседью бородке.

Сидим молча.

Только теперь разрешаю я себе украдкой исподлобья взглянуть на Тоха. Отблеск костра падает на его лицо и придает ему фантастический вид. Широкий рубец—удар шашки или кинжала рассекает его правую щеку почти от глаза, ближе к уху, до изгиба челюсти. Что то зловещее чудится в этом рубце. Нос тонкий и горбатый, скорей чеченский, чем осетинский, торчит хищно и дерзко. Глаза маленькие — в глубоких впадинах сверкают сейчас раскаленными угольками, как глаза голодного волка в лесу близ стада овец — в них искры костра. Усы коротко подстрижены и обнажают бледную линию губ, сжатых в презрительно - спокойном изгибе.

Он сидит прямо и я вижу его высокий стан, крепко стянутый ремнем, на котором висит небольшой, но широкий черный кинжал, лишенный каких бы то ни было украшений. Он худощав и мускулист — будто весь состоит из одних переплетенных между собой сухожилий, прочных как стальные прутья. Около него карабин, из которого, как говорит молва, Тох не дает промах даже по летящей птице. Патронташ, туго набитый вестниками смерти, прикурнул на его коленях свернутой змеей.

Так вот он этот Тох, всю жизнь проведший в скитаниях по лесам.

Молчит Тох, погруженный в думы.

Молчим и мы — неудобно нам младшим прерывать это молчание.

Но тем сильнее работает моя фантазия и радостно бьется сердце, жаждущее приключений и тревог...

* * *

Я только что кончил гимназию, где—в четырех стенах пансиона — провел лучшие отроческие годы, выезжая домой, в родной аул, лишь на кратковременные летние каникулы. Как ни старалась гимназия привить мне добродетели, которыми должен обладать всякий благонамеренный российский обыватель, — моя душа не поддавалась переработке — она была полна романтических грез и порывов. Не даром моим любимым поэтом был Лермонтов. Его поэму „Мцыри" я знал наизусть. Моими любимыми стихами были:

...О, я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Руками молнии ловил...

Жить в мире тревог и опасностей казалось мне единственным счастьем, достойным мужчины. Не мудрено, что мне дома стало очень скучно с честными тружениками, чья жизнь проходит в муравьином труде земледельца, размеренно и однообразно, и меня потянуло к тем, о которых ходила „дурная молва". Человеческая личность, не укладывающаяся в рамки обыденности — вот что непреодолимо влекло меня к себе и, не скрою, я очень обрадовался, когда мой родственник Дато — тоже человек „дурной славы" — обещал мне устроить встречу с абреком Тохом.

Вот почему в эту осеннюю ночь я, редкий в горах питомец русской культуры и будущий бравый юнкер кавалерийского училища, оказался в обществе абрека Тоха...

* * *

...Мне хочется вызвать старика на разговор. Сколько занимательных приключений в его жизни... Но старик упорно молчит и я не смею прервать этого молчания...

Но вот Тох, тяжело вздохнув, зашевелил губами, как будто говорил сам с собой:

— Стар стал... скоро конец...

Встряхиваемся и выходим из оцепенения и мы с Дато. А старик продолжает шевелить губами и мы едва слышим:

— Га!... было время, — Тох качает головой, — много погулял я по этому темному лесу. Исходил все его тропы, спал на корнях и листьях. Ползал по горам. Жил в пещерах... Давно... давно бросил родной очаг... Вот таким, как ты, мальчик.

Мгновенье смотрит на меня Тох и я чувствую в его взгляде необычайную ласку, столь негармонирующую с суровым выражением его лица. А потом он продолжает, но уже задумчиво: — мы были кровниками. И те — да будет им пищей на том свете голова осла! — оказались сильней нас. В борьбе погиб мой род. В живых осталось трое: отец мой, старший брат, да я. Были черные дни в жизни, но наступил день, который оказался еще черней. Не стало и этих близких мне по крови людей...

Тяжело вздохнув, Тох приподымает левую руку и, зажав в кулак большой палец, махая рукой, отчеканивает каждое слово.

— Тридцать лет в моих ушах только один звук—голос умирающего отца:—не продавай моей крови*).

И с тех пор все, что осталось мне в жизни — Тох глубже надвигает папаху на лоб, будто желая скрыть тяжесть воспоминаний и произносит глухо, выдержав большую паузу:

— Это память о мертвых!

Тихо... Шелестят листья. Слышен хруст травы, поедаемой нашими конями и вдруг неожиданно в ночную мглу врывается плач:

— У-гу-гу!... У-гу-гу!... У-гу!... У-ге-ге!...

Я вздрагиваю. Мне жутко. Молчим. Проходит несколько тягостных мгновений.

— У-гу... У-гу!... продолжаются зловещие звуки. То поет свою серенаду царь ночи—филин. И чудится, что тьма, окутавшая нас, таит в себе недоброе и томит мрачным предчувствием однообразный шелест листьев.

Дато бросает несколько сухих сучьев в костер. Огонь потухает. Сучья начинают шипеть и трещать. Становится еще темней и вместе с тем безпокойней на душе. Но вот огонь с края костра вырывается на свободу и, охватив вновь подброшенные сучья красными языками, высоко подымается ярким победным пламенем.

Вместе с этим пламенем и в моей ду-

*) Т. е.— не иди на примирение за цену уплаты выкупа за кровь (пени) — ред.

ше загораются огни неведомого торжества. Я вновь переношу свое внимание на Тоха. Он неподвижен. Глаза его закрыты, — едва видны очертания бровей из под сетки волос мохнатой папахи, надвинутой на лоб. Он перекладывает карабин с одного бока на другой, полуоткрывает глаза и несколько раз качает головой. Снова неподвижен. Вздыхает глубоко и, обращаясь ко мне, говорит:

— Так то мальчик!... Так... Где тебе знать правду, которую завещали нам наши предки. И много ли теперь осталось, кто хотел бы следовать этой правде... Ты не будешь уже помнить о мертвых. Нет!.. не будешь. А я помнил о них всю жизнь. Так, мальчик, так...

И Тох начинает рассказывать — как помнил он о мертвых.

Раз ночью он стучит у ворот:

Эй, Тасо, отвори ворота, усталый путник просит у тебя гостеприимства!

Отворяются ворота и показывается Тасо с винтовкой в руках. Выстрел и падает Тасо. Падает, чтобы никогда больше не встать. А Тох бежит в лес, чтобы тоже никогда не вернуться больше под отчий кров. Ведь он помнит завет отца. Никогда он не возьмет платы за кровь.

Абрек! Отщепенец!

Рассказывает Тох эпопею своих абреческих скитаний.

Чутко настороженно слежу я за его рассказом. Отныне пещеры и логовища — в которых вместо матраца валежник и листья—служат ему местом отдохновения и приюта. Тайными тропами пробирается он по лесу и осторожно выезжает на дорогу. Закрыто лицо его башлыком, концы которого закинуты назад и глухо завязаны. Их не треплет ветер, как у других, у которых они развеваются сзади, как крылья птицы. Не видно лица Тоха. Только глаза сверкают из под надвинутой папахи. Знает Тох, что не ждать ему пощады, если судьба столкнет его с его врагами. Но и он сам не знает пощады и не ждет ее. Редко щелкает он плетью под брюхом коня, а, если щелкнет, то треск несется по лесу, как револьверный выстрел, и заставляет догадываться путников, пробирающихся по лесу, что отважный джигит едет им навстречу. Кто? Друг или враг? И всматриваются путники в лицо наездника и думают, кто бы мог быть этот опасный человек—и разгадать не могут.

Молча проезжает Тох, не посылая обычного приветствия.

И чувствует Тох, как в спину ему устремляются встревоженные людские взгляды и из уст в уста несется зловещий шепот:

— Абрек!

Да он абрек—отщепенец. Не вернуться ему больше никогда в мирное людское общество. Он помнит завет. Он не возьмет платы за кровь. В презрительную гримасу сжаты его тонкие губы и гордо поворачивает он во все стороны свою голову, над которой летают ангелы смерти. Да, он знает, — что не для него несется вот оттуда, с макушки утеса, нависшего над дорогой, веселая песенка пастушка, а попадающийся навстречу буйный и хмельной свадебный кортеж заставляет его углубиться в чащу леса. Ему не поминать покойников на обильной возлиянием похоронной тризне и, стоя почтительно на нихасе*), перед старейшими, ему не выслушивать мудрых слов седобородых старцев, которыми они так любят вразумлять жаждущую познания жизни молодость. Все не для него. Не знать ему уюта домашнего очага, радости отца в кругу семьи и чувства покоя под защитой сильного и славного рода.

Лесной волк. Один, враждебный всем...

— Абрек!..

— Во имя чего?

— Во имя любви к мертвым.

— Во имя любви к мертвым, ненависти к живым... Таков его жребий...

Кто он? — идеалист, подвижник, герой или гнусный убийца и разбойник? Любовь и ненависть! Как тесно переплетены вы между собой!

В первый раз человеческая жизнь становится для меня сложной и загадочной,

И я едва слышу, как прервет свой разсказ Тох жалобой:—Ушло все... ушло... куда? Кто знает? Все меняется! Даже этот старый лес шумит не так, как прежде—Тох поварачивает голову, смотрит в темноту, прислушивается к шуму леса. — Ушло! — качает головой, — куда?... Знает только один Аллах... Порыв ветра кидает на колени Тоха сморщенный пожелтевший дубовый листок. Тох осторожно берется за кончик листа, подымает его на свет костра и долго смотрит, а потом говорит меланхолично:

— Вот лист... пожелтевший. Оторван-

*) Место собрания стариков.

ный от родного дерева. Ветер гонит его взад и вперед. Мочит дождь. Без приюта он. Так и я...

Тох бросает лист в огонь. И мы молча наблюдаем, как пламя мгновенно охватывает лист со всех сторон.

— И все же не жалко, — продолжает Тох. Гримаса улыбки пробегает по его бледным губам. — Да, я хорошо прожил. Как нужно жить мужчине. Обо мне не скоро забудут...

Молчим... Снова пауза... Трещат в костре сухие сучья... Тишина... Жутко... Призраки прошлого проносятся над нашими головами. То, что было давно, давно... Куда все уходит?—щемит сердце. Томят мысли о жизни...

Молчим.

...Треск ломающихся сучьев заставляет меня вздрогнуть. Мне кажется, что кабан прокладывает себе дорогу в валежнике.

Тох быстро поворачивает голову в ту сторону леса, откуда донесся этот подозрительный шум и весь обращается в слух. Мускулы лица его стянуты. Ближе к рукам прибирает карабин. Снова треск... Тох вскакивает. Вскакиваем со своих мест и мы с Дато.

— Трах!... и вслед отзвук: — Тра-трах!... Тох качается. Карабин выпадает из его рук. Он рвет на груди черкеску судорожными усилиями и падает навзничь.

— В сторону!—заглушенно кидает мне Дато. Дато бросается от костра в тень леса и, с винтовкой у плеча на боевой изготовке, опускается на корточки. Прячусь в тень и я с винтовкой в руках. Но тихо, даже шелеста листьев не слышно. Тихо до жуткости. Расширяются зрачки моих глаз и впиваются в тьму леса. Учащенно бьется сердце. Я жду неведомого. Опасного. Но я готов. Мускулы мои напряжены и дух бодр и жаждет борьбы... Жду... Тихо... Только у костра корчится в судорогах Тох.

— Аллах... Аллах!.. Умираю!.. Слышен его предсмертный стон.

Мы подползаем к умирающему Тоху. Он царапает пальцами землю. Тело его бьется в конвульсиях. Вздрогнув несколько раз, вытягивается и становится неподвижным.

Кончено... Гаснет костер... Темь непроглядная. Мы склоняемся над трупом, теперь еле различаемым во тьме.

И снова над нашими головами несется шелест листьев жалобный и тоскующий. Погребальная песня! Мне кажется, что в непроглядной тьме ночи неведомая безжалостная судьба хранит и прошлое и настоящее.,. Жизнь!.. Что такое жизнь? Жизнь и смерть!? Тьма захватила в свои об'ятия тело Тоха и никто и ничто не в состоянии вырвать его больше из этой всепоглощающей бездны. И это все. И это конец! Радостей и мук, порывов и побед!.. И моя жизнь может быть также внезапно оборвана пестником смерти из тьмы?.. Эта мысль колет мое сердце. Это все... Не может быть? Не хочу примириться с этой мыслью. Я чувствую как бешенство распускает свои крылья в моей груди и начинает в ней метаться. Я должен бросить вызов неведомому врагу, который так издевается над жизнью человека...

Вне себя я вскакиваю. Вскидываю на плечо винтовку. Спускаю курок. Стреляю в тьму, наугад. И одновременно пронизывают мглу ночи звуки выстрела и дикий крик, вырвавшийся из моей груди:

— Трах. Га-га!..

— Что ты с ума сошел... Хватает меня за руку Дато,—что ты кричишь? Куда стреляешь?..

Ночная птица, встревоженная шумом, появляется над нашими головами, неуклюже хлопнув большими крыльями, исчезает в тьме.

„Розбудова Нації" — „украинизирует"

В номере 7—8 за т. г. журнала „Розбудова Нації", издаваемого в Праге и являющегося органом украинских националистов из Галиции (группы Коновальца), на стр. 168 имеется следующая фраза:

„Согласно данных проф. Рудницького („Обозрение укр. нац. территории"), количество украинского населения Юго-восточного края равнялось приблизительно $5\frac{1}{2}$ мил. душ, из которых горцев было около $1\frac{1}{2}$ миллиона".

Таким образом, „орган проводу українських націоналістів", росчерком пера и опираясь на "авторитет" проф. Рудницького, „украинизирует" почти половину нашего населения,—ни в истори-

ческом, ни в расовом, ни в культурном отношении никоим образом не связанного с Украиной, и, тем более, с Галицией,—и присоединяет большую часть нашей территории к „украинской национальной территории". (Юго-восточный край—это, согласно „Розбудова Нації", „Дон, Кубань, Чорноморська губ., Терек, Ставропільска і Астраханська губернії).

L'appetit vient en mangeant —говорят французы. Но вся суть в том, что г.г. „созидатели нации" из „Розбудова Нації" упустили из виду, что они не приступили еще к еде... От куда у них такой аппетит?!.

Surtout pas de zéle—панове! Умерьте свой аппетит, иначе придется вам довольствоваться до бесконечности пражскими кнедликами.

Вести с Родины — Vatan haberleri

ГОЛОД ДОБРАЛСЯ И ДО НАШИХ ПРЕДЕЛОВ

Лицо, недавно прибывшее с Кавказа, сообщает нам, что в наших краях голод ощущался уже летом текущего года, хотя урожай зерновых хлебов был уже собран и на полях дозревала только кукуруза. Наш информатор является специалистом-трактористом и, благодаря этому, ему удалось посетить целый ряд аулов в Осетии и Чечне. Большинство хозяйств, сообщает он, в плоскостных аулах коллективизировано. Все колхозы находятся под наблюдением т. н. политотделов, которые имеются при каждой Маш.-тракт. станции, обслуживающей колхозы. Политотделы являются специальными отделениями ОГПУ, которые должны следить за благонадежностью аулов и точным исполнением ими предписаний свыше. Благодаря политотделам, т. н. хлебозаготовки проводятся с особенной строгостью, почти весь хлеб выкачивается из аулов и отправляется на север — в города собственно России. Члены политотделов в большинстве состоят из русских и не считают нужным церемониться с местным населением. Отбирать все — таков их девиз. Голод т. года в наших пределах об'ясняется только этим бесцеремонным грабежом. О размерах голода свидетельствует, хотя бы, то, что уже в сентябре т. г. во многих колхозах т. н. общественное питание — т. е. питательный рацион, выдаваемый колхозникам, состоял из картофеля, сваренного без соли, и 300 гр. безобразно выпеченного с суррогатами кукурузного чурека. В некоторых колхозах не выдавался даже и этот чурек. Мяса в колхозах уже давно не видят. Сахар, мыло, табак ценятся на вес золота, и даже за золото их нельзя купить. Народ доведен до последней степени отчаяния и каждую минуту можно ожидать всеобщего взрыва против правящей власти. Горец — пишет наш информатор — не привык и не способен безропотно умирать так, как умирали и умирают от голода русские в центральных губерниях.

Конечно, такое восстание если и вспыхнет, не может рассчитывать на успех, ибо враг еще силен и самим горцам с ним не справиться. Оно закончится новыми жертвами, новыми расстрелами и ссылками.

„КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ" НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

В марте месяце т. г. осетинское издательство „Растдзинат" в Терк-Кала выпустило в осетинском переводе доклад Сталина „Об итогах первой пятилетки", который был произнесен на пленуме Ц. К. компартии в прошлом году. Как сообщает „Пролетарий Осетии" (от 7 окт. т. г.), с этим переводом произошел „конфуз". Многие места доклада в осетинском изложении были извращены, причем некоторые извращения пахнут определенной „контрреволюцией".

Так например, Сталин, рисуя „достижения" т. н. Кузнецкого комбината, говорит: „Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно - металлургическую базу на Востоке, составляющую гордость нашей страны".

В осетинском переводе последняя часть предложения перефразирована была так: „...составляющую беспочвенную гордость нашей страны".

Переходя к сельскому хозяйству, Сталин делает ссылку на слова Ленина: „Необходимо перейти к общей обработке земли в крупных образцовых хозяйствах".

В осетинском переводе слова Ленина передаются так: „Необходимо перейти от крупных образцовых хозяйств к общей обработке земли".

Сталин говорит: „Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы об'единить разрозненные и мелкие индивидуальные хозяйства..."

В осетинском переводе слово „разрозненные" заменено словом „разоренные".

Наконец, у Сталина: „Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без этого оно должно погибнуть".

По осетински это передано: „Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда

и тысячи дворов, может вестись в порядке планового руководства и оно должно погибнуть".

Еще более „контрреволюционным" оказался „Бакинский рабочий" в номере от 20 сентября т. г., посвященном памяти „двадцати шести". В нем приводятся слова Шаумяна, одного из „26-ти", в следующем виде: „Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные, заблужденные массы и добиться самосуда надо мной. Это не трудное дело. Это может быть удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для нас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете".

УРОЖАЙ СГНИЛ НА ПОЛЯХ

Согласно сообщений газеты „Молот", на Северном Кавказе погибло в т. г. более 30% урожая. Причиной этому, главным образом, саботаж населения, закрепощенного в колхозах. Колхозники недомолачивали зерно при молотьбе, оставляя значительный процент зерна в соломе. Масса хлеба „из-за отсутствия рабочих рук" осталась на полях в копнах и валках; хлеб пророс и згнил. К началу октября в Армавирском районе оставалось на полях в копнах свыше 3 тыс. гек. хлеба, в Лабинском районе — свыше 4 тыс. гек., в Черкеск. обл. — свыше 2 тыс., в Моздокском районе — 3640 гек. и т. д. У наших соседей, на Кубани, положение еще более катастрофическое. На 1 октября в Ейском районе находилось 21 тыс. гек. неубранного хлеба, в Краснодарском районе — свыше 8 тыс. гек. и т. д. Такая-же картина на Дону, Украине. Все это говорит о том, что в текущем году в южных окраинах СССР голод будет еще более ощутительным, ибо, несмотря на недобор урожая, нормы хлебозаготовок выше прошлогодних и хлеб взимается с еще большей жестокостью.

КАК „СНАБЖАЕТСЯ" СОВЕТСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ

(Из обследования бригады ростовских рабкоров, „Молот" от 3 окт. т. г.)

Не наша вина; что дают, то и продаем

...„И вот пошла мануфактура. В Миллеровский район пошла серая и только серая. На юбки, на кофты, на рубашки, на занавески, на пеленки — серая. Весь Миллеровский район неумолимо перекрашивается в единый серый цвет.

Армавирскому району выпал на долю синий цвет. Посинеет теперь там все колхозное население, как море в июле. Морозовский район отделывается в кремовый цвет. На массовых собраниях морозовцы будут выглядеть, как поле спелой ржи, прихваченной суховеем. Тарасовцев ждет коричневая судьба. Иным грозит безысходный траур — партия черного сатина на все и всяческие нужды.

— А ведь это издевательство над потребителем, тов. Брауде.

— Не наша вина. Промышленность так отгружает, — база Хлопкоснабсбыта.

— Ночью что ли или украдкой от кооператоров идет отгрузка?

Нет. Кооператоры берут товар с рук на руки. И... торгуют. „Не наша вина".

Вместо шубы демисезонное пальто

Одноцветная раскраска районов — это еще пол-беды. А вот с готовой одеждой!... Швейная промышленность угнетает Крайпотребсоюз демисезонными пальто.

— Холод на дворе. А мы вынуждены предлагать колхознику демисезонное пальто. Колхозник не берет. Лежат эти пальто. На четвертый квартал даем на 20 миллионов швейных изделий. Но... не велика радость.

— Швейная промышленность гробит рынок, дискредитирует нас.

Через несколько часов бригада заглянула в Крайлегпром, побеседовала с тов. Дикманом.

—Кстати о демисезонном пальто, — говорил тов. Дикман.—Безобразнейшая история! Холод, а потребкооперация сует потребителю демисезонное пальто. Говорили ей летом: „Не связывайся с этим товаром, давай заказ на ватные пальто". Потребкооперация и слушать не хочет. Там у нее руководит этим делом тов. Брауде. Насел он на промышленность.

— „Дай демисезонное пальто!" И так его отговаривали и этак. Настоял на своем.—„Демисезонное дай".

Так и всучил заказ и подписал договор на демисезонку.

...И опять говорит тов. Брауде:

— В Ростове шьют демисезонные пальто, в Орджоникидзе полупальто, которых никто не берет. В Армавире — серые, исключительно серые костюмы, кособокие, один рукав длинней, другой короче, брюки без крючков, без пряжек, штанины у брюк местами сшиты, местами иглой нетронуты, хоть поперек просовывай ногу. У пиджаков петли непрорезаны, прошиты по целому. Бракераж у них бездействует: ни штрафов, ни уценок.

Тов. Дикман (Крайлегпром):

— Развращает потребсистема наших швейников: хоть бы раз забраковала что-нибудь. У треста, у Швейсбыта свой бракераж. За малейшую оплошность—взыскания. Штрафы десятками тысяч. Но если что дошло до потребсистемы—кончено, — любую дрянь берет, ничего не возвращает. Значит, ему нравятся товары.

Тов. Брауде:

— ...И вот в силу такого безобразия со стороны Швейсбыта товар лежит. Или возвращается в Ростов, перебрасывается, катается. Для примера, Морозовский район сегодня просит: заберите, пожалуйста, на 75 тысяч рублей серых армавирских пиджаков и на 15 тысяч костюмов, может на них в городе найдутся охотники. И Пятигорск и Верхний Дон, десятки районов хотят возвратить негодное готовое платье.

Тов. Дикман:

— ...И приходит товарищ Брауде за три дня до окончания квартала выкупать ватные изделия. Не знает рынка, не знает спроса, не умеет торговать. До того не знает покупателя, что промышленность вынуждена посылать своих агентов в деревню для выявления спроса.

Деревня требует огромное количество стеганок и теплых шаровар для армии трактористов. Их нет.

Швейная промышленность выпускает, а кооперация берет для деревни то, что давно и вполне определенно забраковано колхозниками и лежит мертвым капиталом в миллионы рублей.

Обе высокие головотяпствующие стороны видят это, кивают друг на друга, и — попрежнему губят сырье, мертвят капиталы.

Шествие ботинок

В один и тот же день бригада узнала о ботинках, направляемых в деревню, следующее:

В Крайлегпроме:

— Ботинки с резиновой подошвой вполне доброкачественны. Подошва привинчена и пришита так, что держится годами.

В Крайпотребсоюзе:

— Подошва у ботинок отпадает при первом прикосновении. В доказательство один из членов правления т. Бергер приподнял ногу:

— Недели не носил, уже ощерились...

На фабрике им. Микояна:

— Работаем в лучшем виде, — крепко, чисто, аккуратно.

В прокуратуре:

— Привлекаем к уголовной ответственности директора фабрики им. Микояна Моллера, тех. директора Зарницкого, техконтроль Друтмана — за бесконечную порчу сырья. 4 октября будем судить показательным процессом.

Ботинки — „микояновский полуфабрикат" — десятками, сотнями тысяч пар идут на прошивку к кустарям в Миллерово и Армавир, там потребкооперация организовала прошивочные мастерские, обувь задерживается по пути в эти кустарные мастерские до двух недель, в переделке — до двух недель, в обратном пути — до двух недель. Цена вырастает на 30 процентов и обувь оседает на полках из-за однообразия размера.

Так легпром и кооперация „обувают" колхозника!

Таково положение с планируемыми товарами.

„Товаров завал — спросу нет"

Бригада направилась в Кустхозоб'единение, побеседовала с зав. базой тов. Бельковым.

— Товаров для деревни? С нашим удовольствием и каких угодно. Но... спросу же нет! Не знаем, чего требует деревня. Дело это проблемное, начаты попытки изучать спрос. Пока опираемся на опыт Крайпотребсоюза, на заявки работников его системы. А эти работники, краевые и с низовки, только на днях были на совещании при Крайисполкоме и... они говорят, что наши товары в деревню не требуются. У нас имеются стулья дешевые — не берут. Бочки, кадушки имелись в огромном запасе — не берет кооперация нипочем — еле-еле удалось с плеч сбросить. Последняя нахичеванская бондарная артель распалась. Спросу нет. Мебель лежит, частью сбываем вне края. Сита, решета, корыта, совки, кадки малые, чашки, ложки — в изобилии имеем. Не идут.

— Неужели ложки и чашки не идут?

— Они бы шли. Но мы отпускаем их только вагонами, а крайпотребсоюзовские базы не хотят брать такими партиями — „вдруг, мол, не все распродадим?". По пол вагона они бы брали.

— Ну и давайте по пол-вагона.

— Тогда надо упаковывать товар. Упаковывать мы не согласны, а без упаковки железная дорога не принимает.

— Стало быть?...

— Лежит товар.

— Ну, а кровати?

— Имеем 16 тысяч штук. Семь тысяч — хоть сейчас. Весь двор у „Красного кроватчика" забит. Лежат. Железная дорога вагонов не давала. А когда дала — Союзтранс не дал перевозочных средств, чтобы на станцию отвезти. А потом договорились — Союзтранс согласился. Тут как раз железная дорога не дала вагонов. Наконец, добились вагонов. Но Союзтранс... и т. д. В общем товаров для деревни сколько угодно. Не берет деревня, спроса нет. И у Кустхозоб'единения нет выварки. Спроса же нет! Цыбарки... несколько вагонов их лежало у Крайпотребсоюза целый квартал. Железная дорога тормозит вывоз. Раз лежит, значит, спросу нет.

А бокалы для шампанского в Чечню дошли

Базы и Крайпотребсоюз никак не умеют довести до деревни ложки, чашки, корыта—„железная дорога виновата". Но какая гармония, какой

лад, какой успех получается иной раз в продвижении товаров всеми этими организациями. Недавно Чечня аккуратнейшим образом получила вагон бокалов для шампанского. А чтобы особенно не возгордилась Чечня, всунули в вагон несколько десятков тысяч... банок, которые при простуде ставят на спину и на живот для усиления кровообращения. И ни одного лампового пузыря.

Почему зашивается ГОРТ

В краевой конторе ГОРТ'а было оживленно и чуть тревожно.

Зам. директора тов. Карпов непрерывно звонил по телефону, набирая то один, то другой номер.

— ...Да, да... На два миллиона рублей... В том числе, для деревни на миллион триста. Необходимо... Срочно! Именно ходовые, нужнейшие товары...

Сотрудники говорили о периферии: — Все в гору идет, черт побери! Цифры так и растут, так и вздуваются!

Бригада обрадованно вступила в беседу с зав. промтоварной станцией тов. Борщевым.

— Значит, в гору идет дело? А каков рост у вас поквартально?

— Второй квартал почти вдвое перекрывает первый, третий квартал опять дает прирост почти вдвое против второго. Что будет в четвертом при такой динамике трудно и выговорить.

— А по каким товарам идет главным образом рост?—живо заинтересовалась бригада.

— Это не по товарам. Это по... воровству.

— Как это?

По-всякому. Из ларьков, из лавок, из универмагов, со складов и баз. Вот в грубых чертах предварительные данные.

Тов. Борщев показал сводку, на которой, при всей ее неполноте, явствовало, что —

...служащими системы ГОРТ'а похищено товаров за первый квартал этого года на 330 тысяч рублей; за второй квартал—на 524 тысячи рублей; за третий квартал на 20 сентября и по сугубо неполным данным на 800 тысяч рублей.

В четвертом квартале...

Надо добиться, чтобы в четвертом квартале был положен предел росту этих показателей ГОРТ'а, чтобы не притти к балансу 1932 года, когда хищений было почти на три миллиона, плюс чистого убытка четыре миллиона, — семь миллионов угробленных средств...

Тов. Карпов тем временем еще раз позвонил и безнадежно повесил трубку.

— Схожу еще раз в банк, может быть какнибудь договоримся. Два миллиона должны быть сегодня же. Иначе,—кто-то вместо нас выкупит наши товары. В кассе у нас осталось денег—на марки и на конверты. Квартал кончается. Пойду. Буду драться как лев"...

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— В Чечне, во время призыва в красную армия в т. г., явка призывников по районам распределялась следующим образом: 100% явилось в Старопромысловском и Сунженском (казачьем) районах, а так-же в гор. Сундж-Кала — т. е. там, где преобладает русское население; в Итум-Калинском районе явилось 80·8%, в Веденском — 80·2%, в Шатойском — 72·5%, Гудермесском — 69·4%; в Шалинском и Урус-Мартановском — менее 50%; в частности, в последнем только 31%.

— В районе горы Беш-Тау открыты залежи дотолита, содержащие от 12 до 15 проц. бора (бор — необходимое мин. сырье для стекольной и металлургической промышленности). Залежи эти являются единственными в СССР, т. к. еще одно месторождение, находящееся так-же на Кавказе (на юге близ границ Персии), уже исчерпано. Запасы дотолита, по предварительным данным, исчисляются в 30 тыс. тонн.

— В. Тифлисе умер грузинский композитор Захарий Палиашвили. Покойный написал несколько опер („Абесалом и Этери", „Даиси" и др.), а так-же много романсов, сюит и т. д. для симфонических оркестров. В 1925 он праздновал 30-летие своего творчества.

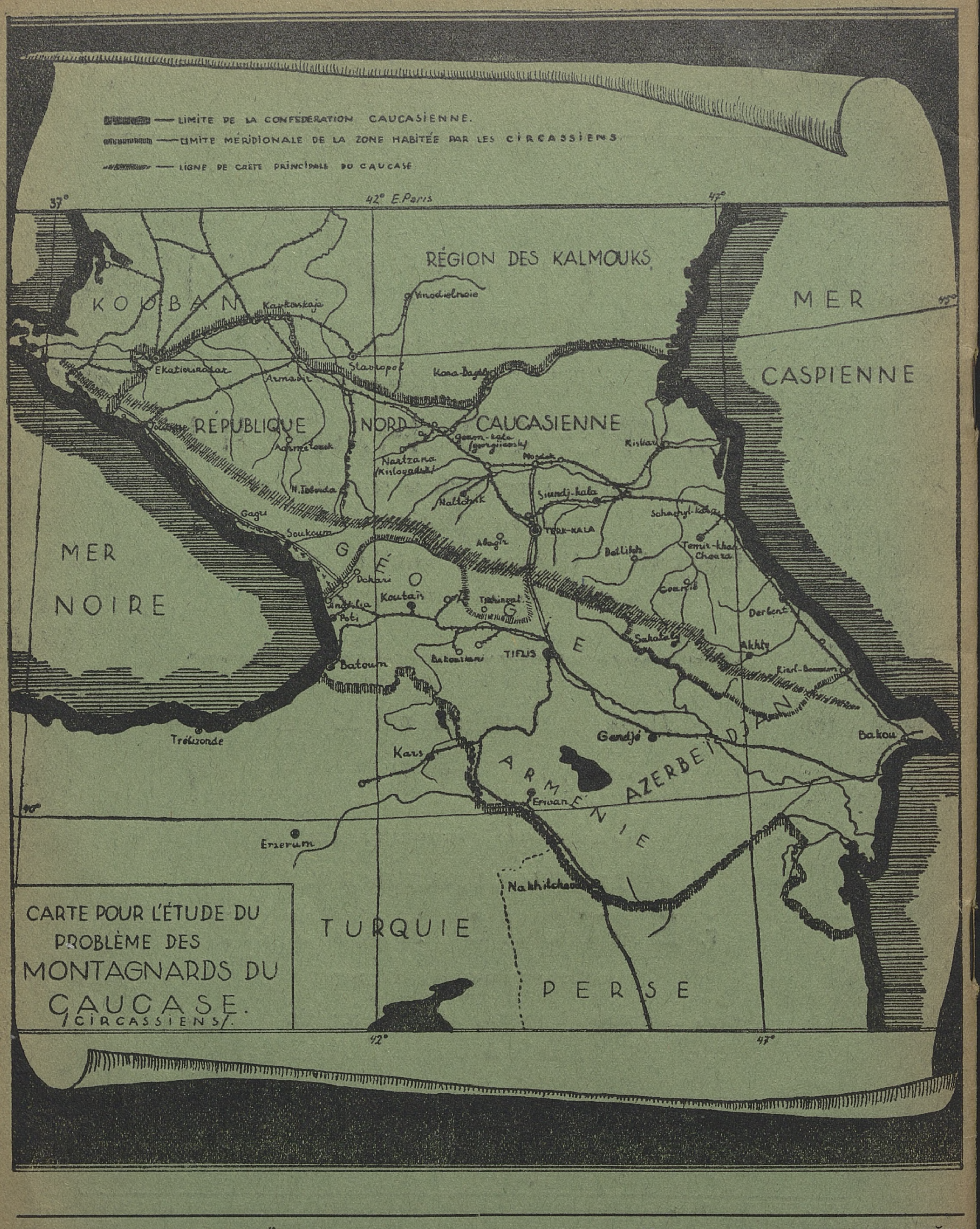
— Курорты Грузии — Махинджаури, Зеленый мыс, Кобулеты и Цихис-Дзири об'явлены „курортами всесоюзного значения". Нужно ожидать, что отныне грузинским трудящим в них совершенно не будет места. Они будут заполнены совсановниками из России.

— В октябре выходит новый сов. журнал „Литературное Закавказье". Журнал будет выходить на русском языке. В редакционную коллегию входят: Гудиашвили, Дабаген, Б. Жгенти, Джафар Джабарлы, А. Дудучаев, Мушишвили, Назарлы, К. Лордкипанидзе, Ш. Радиани, Г. Табидзе, Сарьян, Сулейман Рустам, Н. Шенгелая, Э. Чаренц, М. Чаусский, Чубар.

ОТ РЕДАКЦИИ — İDAREDEN

Geçen mıshamızda Mısırdan aldığımiz fotograf altında isimleri izah ederken, „2—Musa bey Hagundoko" yerine „2—Abdul Hamit Hagundoko" yazılmıştır. Bu yanlışlık münasebetile heyeti idare Musa beyden uzur diler.

В прошлом номере, в об'яснительной надписи к фотографии из Египта, было написано „2—Абдул-Хамит Хагундоко" вместо „2—Мусаби Хагундоко". Редакция извиняется за эту оплошность перед г. Мусаби Хагундоко.

Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН — Mecmuanın müdürü: BARASBI BAYTUĞAN

Адрес редактора — **Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne** — Müdürün adresi

Адрес администрации журнала — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Mecmua idarehanesinin adresi

Zakł. Gr. F. Szweda Warecka 9